

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Рядъ греческихъ царей послѣ Іоанна Комнина съ 1143 года по 1204, и недостаточность свѣдѣній о дѣйствіяхъ ихъ на Аѳонѣ въ эти годы. Внутреннее разстройство греческаго государства и раздробленіе его. Состояніе Аѳона въ показанное время.

§ 58. Послѣ Іоанна Комнина, успокоившаго взволнованный мнѣніемъ проклятіемъ патріарха Николая Аѳонъ, царствовали слѣдующіе государи:

Мануиль.....	съ 1143 года по 1179 годъ
Алексѣй II	„ 1179 „ „ 1182 „
Андроникъ I	„ 1182 „ „ 1184 „
Исаакъ II.....	„ 1184 „ „ 1194 „
Алексѣй III.....	„ 1194 „ „ 1202 „
Исаакъ II снова.....	въ 1203 году
Алексѣй IV	„ 1204 „
Дука Мурзуфль.....	„ 1204 „

Ни хрисовуловъ, ни сигилліоновъ, ни приказовъ этихъ государей, кромѣ Алексѣя III, я не видалъ въ монастыряхъ аѳонскихъ. Или не показаны мнѣ эти дѣянія, или ихъ вовсе нѣтъ *). Эту дилемму уяснить слѣдующіе за мною историки Аѳона. А я сообщаю здѣсь содержаніе двухъ грамматъ, пожалованныхъ Алексѣемъ III Ангелосомъ преподобному строителю Аѳонохиландарской обители Саввѣ въ 1198 и 1199 году.

Содержаніе хрисовула 1198 года, мѣсяца іюня, индикта 1-го **).

„Благороднѣйшій великій жупанъ Сербіи господинъ Стефанъ Неманъ, въ монашествѣ Симеонъ, и сынъ его Растка, въ

*) Государь Мануиль, царствовавшій съ 1143 года по 1180-й, не давалъ монастырямъ никакихъ доходныхъ имѣній. [Никиты Хониата исторія, томъ I, стран. 268 въ русск. переводѣ].

**) Въ этомъ хрисовулѣ нѣкоторыя слова изгладились такъ, что невозможно прочесть ихъ. Однако смыслъ его понятенъ.

монашествѣ Савва, поселившіеся на Св. горѣ, въ Ватопедской обители, просили Протата отдать сей обители во владѣніе Хиландарскій монастырь, древле многолюдный и знатный, а нынѣ запустѣвшій и разрушающійся, отдать вмѣстѣ съ смежнымъ мѣстомъ Миледнѣ, на которомъ находятся монашескіе укромники, *στυμνεία*. Но Протату и властнымъ игуменамъ монастырей тяжкою показалась, *ἐπιβαρὺς ἔδοξε*, такая отдача. По сему это дѣло представлено было государю; и его величество отдалъ Симеону и Саввѣ названный монастырь съ Милеонскимъ мѣстомъ и съ находящимися на немъ монашескими жилищами, отдалъ съ тѣмъ, чтобы обновленный ими Хиландаръ и Миледнѣ были независимы отъ Протата, по примѣру монастырей Иверскаго и Амальфійскаго, и отдачу эту утвердилъ своимъ хрисовуломъ, даннымъ въ Константинополѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 6706=1198 года, когда индиктъ былъ 1-й.

Содержаніе хрисовульнаго сигилліона 1199 года, мѣсяца іюня, индикта 2-го.

Въ слѣдующемъ году монахи Симеонъ и Савва просили у царя Алексѣя III Комнина дозволенія 1) держать мореходную лодку въ 1000 модіумовъ для привоза въ монастырь всего необходимаго, и 2) присвоить давно опустѣвшую, ближнюю, обитель Зигу. Государь благосклонно внялъ ихъ прошенію и, давши имъ просимое дозволеніе, выразилъ оное въ хрисовульномъ сигилліонѣ своемъ, данномъ въ Константинополѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 6707=1199 года, когда индиктъ былъ 2-й. Эта царственная грамота начинается такъ:

<p>Ἀγαπητὸς μὲν Ἀβραὰμ τῷ θεῷ διὰ τὸ φιλόξενον, Ἰακώβ δὲ πεφιλημένος αὐτῷ διὰ τὸ ἀπλαστον καὶ κατὰ μόνας οἰκεῖν ἐπιπόθητον τοῖς αἰρουμένοις. Οὐ κενὸν δὲ καὶ ἡ βασιλεία μου τῆν τοῦ Ἀβραὰμ παρὰ θεῷ ἀγάπην</p>	<p>Возлюбленъ Авраамъ Богомъ за страннопримство, а Іаковъ пріятенъ ему за простоту и склонность къ житію уединенному. Недаромъ же и царственность моя, какъ Авраамъ, отъ Бога получаетъ милость за гостепримство,</p>
--	---

ἐφ' ἑαυτὴν ἐφέλλετο διὰ τῆς φι- оказываемое честнѣйшему монаху
λοξενίας, ἣν ἐπὶ τῷ τιμιωτάτῳ господину Саввѣ.
μοναχῷ κυρίῳ Σάββα.... ἐνδείκνυ-
ται.

§ 59. Внутреннее разстройство Греческаго царства.

Съ 1179 года, въ который умеръ доблестный царь Мануилъ Комнинъ, началось внутреннее разстройство Греческаго царства, окончившееся раздробленіемъ его. Такъ какъ послѣдствія этого событія были тяжки для Аѳона, то я считаю надобнымъ оповѣстить здѣсь: какъ и почему разстроилось названное царство, и какія новыя державы явились въ предѣлахъ его. Въ основаніе сего оповѣщенія положена „Исторія Никиты Хоніата“, переведенная съ греческаго языка на русскій и напечатанная въ С.-Петербургѣ въ 1860 году. А оповѣщается сперва внутреннее разстройство государства, а потомъ раздробленіе его.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ II.

„Въ 1179 году провозглашенъ былъ царемъ сынъ Мануила Алексѣй II-й, еще не вполне достигшій юношескаго возраста и имѣвшій нужду въ нянькѣ и дядькахъ. Посему дѣла Ромеевъ шли дурно, даже хуже, чѣмъ когда Фазтонъ, взошедши на отцовскую колесницу, не смогъ пройти между небесными звѣздами. Самъ царственный отрокъ, занятый пустыми удовольствіями и еще не совсѣмъ умѣвшій отличать горе отъ радости, забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время съ юными товарищами своими въ играхъ и развивая въ себѣ самыя дурныя привычки. А тѣ, которые по отцу были въ родствѣ съ нимъ, будучи заняты другими дѣлами, ни мало не заботились о томъ, чтобы дать ему наилучшее воспитаніе и образованіе, и не обращали никакого вниманія на разстройство государственныхъ дѣлъ. Одни изъ нихъ были влюблены въ царственную мать Алексѣя Ксенію, и явно ухаживали за нею. Добиваясь взаимной любви отъ нея,

они съ искусствомъ Венеры завивали себѣ волосы, намащались благовоніями, подобно женщинамъ украшались ожерельями изъ дорогихъ камней, и смотрѣли на нее во всѣ глаза. Другіе, люди жадные до денегъ и грабители народа, обкрадывали казну, безъ всякой бережливости тратили назначенные на расходы деньги, и придумывали новые расходы, дабы мѣшокъ свой, вчера пустой, сегодня наполнить и биткомъ набить. А иные, имѣя виды на царскій престолъ, все направляли къ этой цѣли своей. Люди, которые тогда имѣли особенно большую силу, состоя въ родствѣ съ царемъ, не признавали равенства правъ на должности и почести; а посему заботы объ общественныхъ дѣлахъ были покинуты, собранія же и совѣты прекратились. Между тѣмъ протосеvastъ Алексѣй Комнинъ, который по отцу былъ племянникъ царя Мануила, совершенно овладѣлъ матерію царя-отрока, и усилился больше всѣхъ другихъ вельможъ. Все это возбуждало крайнюю досаду въ сановникахъ, которые принадлежали къ тому же дому, имѣли при царѣ Мануилѣ одинаковую съ Алексѣемъ власть и были награждены величайшими почестями. Нѣкоторые же изъ нихъ видѣли уже и начало тиранніи, и подозрительно смотрѣли на протосераста, опасаясь не столько того, чтобы не потерпѣлъ чего либо непріятнаго малолѣтній царь Алексѣй, сколько того, чтобы ихъ самихъ не схватили. Посему выжидая, что будетъ, они заботились только о своей безопасности. Дѣйствительно, молва уже громко говорила, что протосеvastъ Алексѣй, согласившись съ матерью царя, привлекаетъ къ себѣ многихъ дружбою и деньгами, замышляетъ свергнуть царя съ престола, и рассчитываетъ самъ овладѣть какъ его царствомъ, такъ и царицею. А когда такимъ образомъ въ царскомъ дворцѣ все было исполнено смутами и всякаго рода тревогами, то и въ государственныхъ дѣлахъ можно было видѣть то, что въ сказкѣ говорится о драконѣ, который бѣдствовалъ отъ того, что въ движеніяхъ своихъ управлялся своимъ хвостомъ. Теперь исполнялось и предзнаменованіе, которое случилось при концѣ жизни самодержца Мануила. Одна женщина, жившая близъ Пропонтиды, родила дитя мужскаго пола, у котораго всѣ члены

были чрезвычайно малы, а голова на плечахъ необыкновенно велика. Полагали, что это предзнаменовало многоначаліе, отъ котораго рождается безначаліе.

Между тѣмъ Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ государя Мануила и дядя царя отрока, проживавшій вдали отъ Константинополя, услышалъ, что несовершеннолѣтній Алексѣй забавляется конскими скачками и дѣтскими играми, а его знатные воспитатели, одни, подобно пчеламъ, часто летаютъ въ провинціи и, какъ медь, собираютъ себѣ деньги, другіе, подобно козламъ, охотникамъ до молодыхъ вѣтвей, скрытно домогаются царскаго скипетра, а иные, подобно свиньямъ, тучнѣютъ отъ самыхъ грязныхъ доходовъ; о славѣ же и пользѣ общаго отечества не хотятъ и подумать, но валяются въ грязи нечистыхъ дѣлъ и, какъ свиньи, склоняются ко всякой гадости. Посему онъ сталъ придумывать и изыскивать средства, какъ бы подъ благовиднымъ предлогомъ захватить себѣ царство. Перебравъ множество плановъ и обдумавъ всѣ способы, онъ наконецъ ухватился за присяжный листъ, по которому клялся Мануилу и сыну его Алексѣю. Тутъ онъ нашель между прочимъ слѣдующія слова: „если я увижу, или узнаю, или услышу, что либо такое, что клонится къ вашему безчестію и ко вреду для вашего вѣнца, то и вамъ дать знать о томъ, и самъ, сколько мнѣ возможно, буду тому противодѣйствовать“. Эти слова вполнѣ годились для присвоенія власти, которой онъ давно домогался, какъ человѣкъ гордый и властолюбивый. Посему онъ сталъ посылать письма за письмами и къ царю Алексѣю, и къ патріарху Теодосію, и ко всѣмъ другимъ лицамъ, въ которыхъ еще оставалась искра любви къ умершему царю Мануилу. Въ своихъ письмахъ онъ преувеличивалъ дурные слухи, распространенные молвою, и высказывалъ притворное негодованіе на то, что протосевасть Алексѣй не лишень власти, какъ по той причинѣ, что отсюда возникаетъ и уже явно грозитъ малолѣтнему царю погибель, такъ и по причинѣ непристойныхъ и неприятныхъ слуховъ, которые разглашаются уже со стѣнъ, рассказываются у дверей народныхъ властителей, и распространяются по всему

міру. И о всемъ этомъ онъ говорилъ и писалъ съ необыкновенною убѣдительностію и увлекательностію. Посему всѣ соглашались съ его мыслями и склонялись на его сторону, считая его единственнымъ человѣкомъ, который преданъ интересамъ Ромеевъ, и при своей долговременной опытности соединяетъ въ себѣ наилучшія качества. Самъ онъ, между тѣмъ, оставивъ городъ Эней, направлялся къ столицѣ, разглашая вездѣ, гдѣ ни проходилъ, о своей присягѣ и рассказывая всѣмъ о причинѣ своей поѣздки. Около него начали собираться всѣ желавшіе новаго порядка дѣлъ, и охотно вѣрили давнишней молвѣ, предвѣщавшей, что Андроникъ нѣкогда будетъ царствовать. Итакъ, онъ вступилъ въ предѣлы Пафлагоніи, и вездѣ былъ принимаемъ съ величайшими почестями, какъ избавитель, идущій по внушенію Божию.

Что касается до протосеваста Алексѣя, то онъ, гордясь своею силою и во зло употребляя власть государыни, распространялъ свое вліяніе на всѣ дѣла. Безъ него ничто не дѣлалось. Если же кому и случалось сдѣлать что нибудь тайно отъ него, по соизволенію государыни, или царя Алексѣя, когда онъ игралъ орѣхами, или забавлялся бросаніемъ камешковъ, то и это не проходило мимо его. Онъ достигъ того, что и все, сдѣланное другими, восходило къ нему же, испросивъ у царя повелѣніе, чтобы грамоты, подписанныя царскою рукою, считались имѣющими силу только тогда, когда будутъ представлены протосевасту Алексѣю, и онъ своею рукою сдѣлаетъ на нихъ надпись темнозеленымъ черниломъ: „*смотрѣно*“. Такимъ образомъ, онъ всемъ управлялъ и распоряжался по своему произволу; и тѣ деньги, кои собрали прежніе цари изъ рода Комниныхъ и собрали съ большимъ трудомъ, достались на расточеніе ему и царицѣ. Теперь сбывалось изреченіе Архилоха, который говорилъ, что въ утробу развратной женщины часто течетъ то, что собрано долговременнымъ и тяжкимъ трудомъ. А посему весь Константинополь обращалъ взоры свои на Андроника, и его ожидали, какъ лучезарной звѣзды. Тогдашніе вельможи тайными письмами своими убѣждали его поспѣшить прибытіемъ, увѣряя, что никто не будетъ противодѣй-

ствовать ему, но всё примутъ его съ распростертыми объятіями. Особенно же ободряли его и понуждали смѣло идти къ нему порфирородная Марія, сестра царя Алексѣя, и мужъ ея кесарь, родомъ Италіанецъ. Она крайне досадовала, что отцовское царство присвоитъ себѣ протосеастъ; къ тому же она была женщина смѣлая и мужественная, питавшая естественную ненависть къ царицѣ Ксеніи, яко къ мачихѣ своей, и не терпѣвшая, чтобы кто-нибудь былъ выше ея самой. Поэтому, она письмами, словно шпорами, подстрекала Андроника, хотя чрезъ это ускоряла свою собственную гибель. Въ то же время она явно противодѣйствовала Протосеасту, и не опускала ничего, что клонилось къ гибели его. Привлекши на свою сторону тѣхъ родственниковъ своихъ, о которыхъ вѣрно знала, что они расположены къ Андронику и питаютъ непріязнь къ протосеасту, именно, Алексѣя Комнина, незаконорожденнаго сына царя Мануила, Андроника Лопарду, двухъ сыновъ Андроника, именно Іоанна и Мануила, городского епарха Іоанна Каматира и многихъ другихъ, она составила заговоръ, и клятвою утвердивъ вѣрность царю и брату, присудила смерть протосеасту, и только выжидала благоприятнаго случая умертвить его. Но заговоръ ея былъ открытъ. Тогда всё заговорщики были представлены въ царское судилище, сдѣлано изслѣдованіе ихъ преступленія, но только для вида, потому что немедленно послѣдовало осужденіе; и они отведены были въ тюрьму, не получивъ даже позволенія защититъ свои намѣренія.

А кесарисса Марія съ мужемъ своимъ ушла въ церковь св. Софіи и объявила, что ищетъ тутъ убѣжища отъ мачихи, питающей къ ней непримиримую вражду, и отъ жестокаго любовника ея. Этимъ она не только возбудила жалость въ патриархѣ и во всѣхъ священнослужителяхъ, но и многихъ изъ собравшагося народа такъ тронула, что они чуть не плакали о ней. Ободренная участіемъ народа, а частію и сама побудивъ къ возстанію бѣдную толпу раздачею мѣдныхъ *статировъ*, она пренебрегла тѣмъ, что обыкновенно дается ищущимъ спасенія въ священныхъ убѣжищахъ, и когда ей предлагали прощеніе за тѣ преступленія, въ

которыхъ она была уличена, не только не хотѣла ничего слушать, но требовала, чтобы соумышленники ея вторично были судимы и освобождены изъ заключенія. Не соглашаясь на то, чтобы протосеастъ Алексѣй управлялъ общественными дѣлами, она всячески унижала его и говорила, что онъ заходитъ за предѣлы дозволеннаго, отваживается на дѣла совершенно незаконныя, и такъ кладетъ пятно на весь родъ ея. Затѣмъ, увеличивая свои требованія, она настаивала, чтобы оный Алексѣй былъ выгнанъ и изъ дворца, и какъ терніе, выросшее около благороднаго растенія, былъ съ корнемъ исторгнутъ и истребленъ, потому что сіе терніе, разросшись, задушитъ малолѣтняго самодержца, какъ пшеницу. Явно: она желала того, что не могло быть сдѣлано. Протосеастъ и не думалъ выходить изъ дворца. Между тѣмъ, онъ именемъ царя и его матери грозилъ кесариссѣ, что если она добровольно не оставитъ святилища, ее выведутъ оттуда насильно. Но она отвѣчала, что никогда не выйдетъ оттуда по доброй волѣ, и опасаясь, какъ бы не схватили ее, приставила къ храму стражей, и заняла всё выходы часовыми. Этого мало. Созвала на помощь себѣ тяжело вооруженныхъ Италіанцевъ, вооружила мужественныхъ Ивировъ, пріѣхавшихъ въ городъ по торговымъ дѣламъ, и привлекла на свою сторону вооруженную Ромейскую фалангу. Она не слушала никого, кто склонялъ ее къ миру, не уваживъ и самого патриарха, который предлагалъ ей весьма дѣльные совѣты и часто даже съ гнѣвомъ порицалъ ее. Во всѣхъ другихъ городахъ народная толпа бываетъ неразумна и необузданна въ своихъ стремленіяхъ; но въ Константинополѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, сія толпа склонна къ возмущеніямъ, отличается дерзостію, и это потому, что она состоитъ изъ разноплеменныхъ людей, и отъ занятія ремеслами теряетъ здравый смыслъ. А такъ какъ худшее обыкновенно всегда беретъ перевѣсъ, то сія толпа неохотно отступаетъ отъ своихъ незаконныхъ требованій. Иногда возбужденная къ возстанію однимъ лишь слухомъ, она бываетъ яростнѣе огня, съ радостію идетъ противъ мечей и упорно противится, а иногда бываетъ крайне боязлива. Посему-то сбродъ людей, насе-

ляющихъ Константинополь, ни самъ для себя никогда не придумалъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго, ни другихъ не слушалъ, когда кто хотѣлъ ввести какую-нибудь благотворную и общепользную мѣру. Всегда дѣйствуя противоположно тѣмъ городамъ, которые наслаждаются благоденствіемъ и спокойствіемъ, эти люди все, что приносятъ имъ заливъ и море, безъ всякой пользы для себя передаютъ въ города иноплеменные. А неуваженіе къ властямъ есть врожденное въ нихъ зло: кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя, въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствуя легкомысленно и глупо (Читая это, предвидишь паденіе греческаго царства).

Посему-то и теперь начались у нихъ сходы. Сперва они жалѣли о порфирородной Маріи, говоря, что она страдаетъ незаслуженно, кричали противъ протосеваста, какъ противъ чело-вѣка, который во зло употребляетъ свое счастье, и негодовали на мать царя. Потомъ дошли до явнаго возмущенія и, когда одинъ священникъ вынесъ на площадь изображеніе Христа Спасителя, другой явился съ крестомъ и еще одинъ съ развѣвающимся священнымъ знаменемъ, къ нимъ, какъ мухи къ молоку, налетѣли мятежники. Всѣ, какъ бы условившись заранѣе, шумно выражали благожеланія царю, и въ то же время проклятіями осыпали протосеваста и государыню. Все это продолжалось нѣсколько дней, волновало народъ и поощряло его къ мятежу. Наконецъ, чернь взбунтовалась и бросилась грабить и разрушать прекрасные дома тѣхъ людей, къ которымъ особенно расположены были протосевасть и вдовствующая царица. Мятежники не пощадили даже государственныхъ актовъ, въ которыхъ изложены были права гражданъ, утвержденныя прежними царями. Протосевасть и его приверженцы, видя, что зло увеличивается, собрали совѣтъ и разсуждали о прекращеніи мятежа. И такъ какъ они увѣрены были что кесарисса Марія не думаетъ отказаться отъ своихъ намѣреній, и нимало не уменьшаетъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній, то рѣшились съ помощію военной силы вывести ее изъ божественнаго храма... (Произошли кровавыя схватки, и кончились амни-

стіею. Кесарисса и супругъ ея вышли изъ храма св. Софіи и отправились въ большой дворецъ, въ которомъ тогда жили царственные особы).

Между тѣмъ Андроникъ, который пламенно домогался власти, и котораго надежды поддерживались частыми письмами знаменитыхъ особъ, получилъ наконецъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, что дѣлается во дворцѣ, отъ дочери своей Маріи, которая бѣжала къ нему. Пріятныя вѣсти, какія онъ услышалъ отъ ней, подстрекнули его, какъ шпоры подстрекаютъ бѣговаго коня. Оставивъ предѣлы Пафлагоніи, онъ приходитъ въ Понтійскую Ираклію, а оттуда отправляется далѣе, и всюду своими хитростями, притворствомъ и изворотливымъ умомъ, привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, встрѣчающихся на пути... Ему передаются полководцы и флотъ. Приверженцы его хватаютъ протосеваста Алексѣя, отводятъ его въ темницу, а отсюда къ Андронику, который приказываетъ выколоть ему глаза. Таковъ былъ конецъ тиранніи его.

Андроникъ же, находясь еще на Малоазійской сторонѣ Пропонтиды, въ Халкидонѣ, объявилъ войну находившимся въ Константинополѣ Латинамъ, выславъ противъ нихъ корабли, которые предались ему вмѣстѣ съ адмираломъ, а равно и отборную часть военныхъ отрядовъ, присоединившихся къ нему на пути. А такъ какъ и городскіе жители возстали противъ нихъ, то въ одно время началась битва и на сушѣ и на морѣ. Латины, будучи не въ состояніи противиться окружившей ихъ отовсюду двойной толпѣ, спасались, кто какъ могъ спасать себя, оставивъ на произволь грабителей свои богатые дома. Одни изъ нихъ разсѣялись по городу, другіе укрылись въ пріятельскихъ домахъ, иные же, добравшись до кораблей единомышленниковъ своихъ, кое-какъ избѣгли опасности погибнуть отъ меча. А которые были пойманы, тѣ всѣ были умерщвлены, и всѣ безъ исключенія лишились своихъ имуществъ. Что же касается до тѣхъ Латинянъ, которые ушли на единоплеменные корабли, то они на Принцевыхъ островахъ сожгли нѣсколько святыхъ обителей, и, выступивъ оттуда на всѣхъ веслахъ и съ распущенными парусами, высаживались на берегъ,

гдѣ хотѣли, и дѣлали Грекамъ всякое зло, какое только могли (Ниже увидимъ: что и что они надѣлали въ Константинополѣ, когда взяли сей городъ съ бою въ 1204 году).

Когда придворныя дѣла устроились такъ, какъ хотѣлось Андронику, тогда онъ отправился изъ Дамалиса въ Константинополь, и, переплывая чрезъ проливъ, напѣвалъ стихи псалма Давида: „Возвратись душа моя въ покой твой; ибо Господь благодѣтель твой. Онъ избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и ноги мои отъ преткновенія“. Между тѣмъ юный царь Алексѣй и мать его Ксенія, по желанію Андроника, оставили большой дворецъ и переселились въ царскіе чертоги, называемые Манганскими. Самъ же онъ, прибывши въ царствующій городъ, явился къ царю, сталъ предъ нимъ на колѣни и, обнимая ноги его, заливался слезами, а матери его Ксеніи поклонился холодно, и мимоходомъ сказалъ ей привѣтствіе, исполненное пренебреженія и обнаруживавшее ненависть, которая съ давнихъ поръ таилась въ душѣ его.

Послѣ сего Андроникъ, занявши всѣ великолѣпныя дома и проживая въ нихъ подобно странникамъ, началъ распорядиться общественными дѣлами по своему усмотрѣнію. Юному царю Алексѣю онъ предоставилъ заниматься псовой охотою и проводить время въ другихъ забавахъ съ тѣлохранителями, которыхъ приставилъ къ нему для того, чтобы они не только наблюдали за всѣми выходами и входами его, но и никого не допускали бы говорить съ нимъ о какомъ бы то ни было дѣлѣ. А самого себя онъ всецѣло посвятилъ заботамъ не о томъ, чтобы благоустроить дѣла Ромеевъ, но чтобы изгнать изъ дворца всякаго добраго совѣтника, всякаго человѣка воинственнаго, подозрительнаго ему и способнаго къ управленію. Распорядясь по своему произволу почетными мѣстами и высшими должностями, онъ нѣкоторые изъ нихъ отдалъ дѣтямъ своимъ, а другія — тѣмъ, которые послѣдовали за нимъ; изъ людей же знатныхъ одни были изгнаны имъ изъ дома и отечества, другіе заключены въ темницы и желѣзные оковы, иные лишены зрѣнія, и притомъ такъ, что сами не знали

никакой явно взводимой на нихъ вины. Тайно же ихъ обвиняли, кого за то, что былъ знатнаго происхожденія, кого по тому, что часто отличался на войнѣ, или былъ замѣчательно красивъ, или имѣлъ въ себѣ что-нибудь другое хорошее, что язвило Андроника и внушали ему недобрый надежды, или раздувало искру прежнихъ мелкихъ оскорбленій, и воспламеняло тлѣвшій до сей поры подъ золою жаръ гнѣва. Вообще невыносимо было то время, а взаимное недовѣріе даже между ближайшими родственниками было нестерпимое зло. Мало того, что братъ не смотрѣлъ на брата, и отецъ покидалъ сына, если это было угодно Андронику, они неумоимо содѣйствовали предателямъ, и вмѣстѣ съ ними устроили погибель своего рода. Было и такъ, что иные сами доносили на своихъ домашнихъ, обвиняя ихъ или въ томъ, что они издѣваются надъ дѣйствіями Андроника, или даже въ томъ, что они расположены къ юному царю Алексѣю и не признаютъ надъ собою власти Андроника. Многіе были обвиняемы въ то время, когда сами обвиняли другихъ въ злоумышленіяхъ противъ сего деспота. Такъ, Іоаннъ Кантакузинъ въ тотъ самый часъ, когда жестоко избилъ кулаками какого-то скопца Циту, вышибъ ему зубы и до крови разбилъ губы за то, что онъ, какъ было доказано, говорилъ съ паремъ Алексѣемъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ, самъ былъ вдругъ схваченъ, ослѣпленъ и брошенъ въ мрачную тюрьму за то, что съ темничнымъ сторожемъ послалъ поклонъ одному изъ братьевъ своей жены, бывшему въ заключеніи, именно Константину Ангелосу. При такомъ порядкѣ дѣлъ всякой головѣ было о чемъ кручиниться. Кому вчера Андроникъ подавалъ лучший кусокъ хлѣба, кому предлагалъ откормленнаго тельца, кого поилъ благовоннымъ цѣльнымъ виномъ, и включалъ въ кружокъ своихъ приближенныхъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ. Посему многіе изъ приближенныхъ его, люди съ умомъ проницательнымъ, принимали одобреніе его за начало опалы, награду какимъ либо подаркомъ считали предвѣстницею потери имущества, а благосклонность признакомъ погибели. Отъ него плачевный переходъ въ могилу прежде другихъ испытала кесарисса

Марія, дочь царя Мануила, которая прежде всѣхъ и больше всѣхъ желала возвращенія Андроника въ Константинополь. Говорили, что и мужъ ея скончался не естественною смертію: одна смертоносная чаша прекратила жизнь обѣихъ особъ этихъ.

А какъ поступалъ Андроникъ съ матерію юнаго царя? Онъ не переставалъ обвинять ее и постоянно показывалъ видъ, будто намѣренъ удалиться отъ царскаго престола, ссылаясь на то, что она явно идетъ на перекоръ ему и противодѣйствуетъ всѣмъ распоряженіямъ его, предпринимаемымъ для блага общества и царя. Въ то же время возбуждалъ противъ нея негодованіе народа, и своими происками достигъ того, что народъ не разъ собирался шумными толпами къ святительскимъ палатамъ и принудилъ патріарха Θεодосія не только противъ воли согласиться на слѣдствіе и приговоръ противъ государыни, но и одобрить своимъ мнѣніемъ удаленіе ея изъ дворца. Буйная и наглая чернь, ни во что ставя подобающее патріарху благоговѣніе, быть можетъ, схватила бы его и за бороду, если бы онъ не согласился на требованіе Андроника.

Достигнувъ удаленія государыни изъ дворца, сей тираннъ принялся за вельможъ. Сынъ Константина Ангелоса Андроникъ съ сыновьями своими едва спасся отъ меча, уплывъ изъ Константинополя въ малой лодкѣ; великій вождь Кондостефанъ, четыре сына его и многіе другіе были схвачены и ослѣплены не послѣ улики, а по слуху о томъ, что всѣ они участвовали въ заговоръ противъ него. Такъ сгубилъ Андроникъ тѣхъ, кого уже давно желалъ захватить въ свои руки, но до времени откладывалъ это желаніе свое. А нѣкоторыхъ онъ заключилъ въ темницу, иныхъ осудилъ на изгнаніе изъ отечества, другихъ погубилъ иными способами. Когда же увидѣлъ, что уже немногіе остались такіе, которые еще недавно отваживались идти наперекоръ большинству, да и тѣ дозволяютъ ему попирать свою шею и движутся вмѣстѣ съ нимъ на оси его, то рѣшился ускорить погибель государыни. Послѣ различныхъ выдуманныхъ обвиненій онъ наконецъ уличаетъ ее въ измѣнѣ, — будто бы она вошла въ переговоры съ сво-

имъ зятемъ по сестрѣ венгерскимъ королемъ Белою, и побуждала его письмами и щедрыми обѣщаніями разрушить Браничево и Велеградъ. Обвиненная отведена была съ безславіемъ въ монастырь св. Діомида и тутъ заключена въ самую тѣсную келью. Здѣсь она терпѣла наглыя оскорбленія отъ сторожей, осыпавшихъ ее насмѣшками, томилась отъ голода и жажды, и непрестанно воображала жестокаго убійцу, стоящаго съ ножомъ подлѣ нея. Между тѣмъ Андроникъ ни мало не смягчилъ своей свирѣпости, но горѣлъ желаніемъ предать царицу смерти. Черезъ нѣсколько времени, негодуя, что она еще жива, онъ снова собралъ несправедливыхъ судей и предложилъ имъ вопросъ: какое наказаніе полагается законами предателямъ городовъ и областей. Получивъ письменное рѣшеніе, что такіе люди обрекаются на смерть, онъ съ этой минуты неудержимо устремился на погибель императрицы. А такъ какъ тѣ незаконные судьи громко заговорили, что надобно лишить жизни эту злополучную царицу, то и представили сыну ея, — царю, бумагу, написанную брызгами материнской крови, осуждающую ее на смерть; и онъ подписалъ ее. Вскорѣ несчастная была задушена въ кельѣ. Такъ погибла эта красавица, радость очей, и была засыпана пескомъ на морскомъ берегу. О солнце! Какое черное приступленіе! О, Боже, какъ непостижимо твое долготерпѣніе!

А въ какомъ восторгѣ былъ отъ сего Андроникъ, сего и выразить не возможно. Онъ таялъ въ душѣ своей отъ удовольствія, видя, какъ уничтожается родъ Мануила, и воображая, что онъ одинъ останется въ Греческомъ царствѣ и будетъ безбоязненно держать скипетръ. Въ началѣ сентября мѣсяца 1192 года онъ рѣшился провозгласить себя царемъ-соправителемъ юнаго Алексѣя. Подлые приверженцы его привели въ исполненіе эту рѣшимость. Въ одномъ собраніи они во все горло запѣли: Алексѣю и Андронику, великимъ царямъ и самодержцамъ греческимъ Комнинымъ, многая лѣта. Когда слухъ объ этомъ разнесся между городскими дураками, — Константинопольскій народъ стоитъ такого названія, — толпы людей всякаго рода, ремесла и возраста, по-

добно несмѣтному рою пчель, сошлись къ мѣсту собранія. Въ это же время одинъ сановникъ, завѣдывавшій прошеніями, и еще одинъ продажный крикунъ и подлѣйшій слуга тиранніи, почтенный званіемъ протонотарія, какъ бы однимъ духомъ прилетѣли къ тираннову дому, такъ-называемому дому Михаилици, гдѣ совершались эти незаконныя дѣла. Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные уборы, они распустили свои бѣлоснѣжные плечи на подобіе пузырей, составили изъ простонародья хороводъ и стали пѣть, кружились въ срединѣ и, сопровождая свою пляску пѣніемъ и криками, колотили землю. Какая глупость! Какое легкомысліе! Когда Андроникъ изъ дома тираннова прошелъ въ Влахернскій дворецъ и вступилъ тутъ въ высокую горницу, называемую Политимонъ, явился туда и царь Алексѣй, услышавъ во дворцѣ этомъ и радостные крики и плачевные стоны, потому что не всѣ увлеклись догдашними обстоятельствами. Видя, что почти всѣ провозглашаютъ Андроника царемъ, онъ по неволѣ долженъ былъ уступить силѣ событій, и потому и самъ началъ вмѣстѣ съ другими льстить старикашкѣ, упрашивая его соцарствовать съ нимъ. Андроникъ жеманился и шутилъ надъ собраніемъ. Тогда болѣе жаркіе приверженцы сего похитителя престола схватили его обѣими руками и посадили на златотканное ложе, на которомъ возсѣдалъ царь. Другіе сняли съ него дымчатую пирамидальную шляпу, и возложили на голову его повязку огненнаго цвѣта, третью облекли его въ одежду царскую. Въ слѣдующій день, когда въ Великой церкви началось провозглашеніе царей, порядокъ въ произношеніи имени былъ измѣненъ: имя Андроника возглашено было прежде имени Алексѣя. Говорили: не прилично безбородаго юношу помянуть прежде Андроника сѣдовласаго и одареннаго обширнымъ умомъ. Когда же наконецъ и самъ Андроникъ вошелъ въ священный храмъ для вѣнчанія на царство, тогда въ первый разъ показался народу веселымъ, перемѣнивъ свой звѣрскій и страшный взглядъ, и многимъ просителямъ обѣщалъ направленіе дѣлъ къ лучшему. Но все это было ложно. Въ храмѣ послѣ обычнаго вѣнчанія на царство онъ приступилъ къ принятію пречистыхъ

тайнствъ, и, подойдя къ чашѣ, поднялъ руки и, притворившись растроганнымъ, вслухъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ алтарѣ, поклялся страшными тайнами, что онъ принялъ царскую власть единственно по желанію помочь юному царю Алексѣю, котораго спустя нѣсколько дней удавилъ и бросилъ въ море, предварительно толкнувъ его, мертваго, въ бокъ, и обругавъ его родителей. Такъ скончался царь Алексѣй, проживъ пятнадцать лѣтъ неполныхъ и царствовавъ только три года подъ руководствомъ, сперва матери, управлявшей государствомъ, а потомъ—двухъ тиранновъ, захватившихъ себѣ государственныя дѣла.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНДРОНИКА.

Какъ же царствовалъ Андроникъ? Часто оставлялъ онъ Константинополь, и съ толпою блудницъ и наложницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ благораствореннѣе воздухъ. Придворнымъ своимъ, только немногимъ и самымъ приближеннымъ, показывался лишь въ назначенные дни и какъ бы сквозь завѣсу; а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ подобно Сарданпалу, и подражалъ Геркулесу въ растлѣннѣи дѣвицѣ; но такъ какъ не имѣлъ силъ его для сладострастія, то прибѣгалъ къ пособію разныхъ мазей и къ изысканнымъ снадобьямъ, дабы укрѣпить свои дѣтородные члены. Въ обращеніи съ жителями Константинополя мало по малу дошелъ до того, что издѣвался надъ простодушіемъ ихъ, водилъ ихъ за носъ, и смѣялся надъ готовностію ихъ угождать царямъ, не зная того, что они лишаютъ его власти и подвергнутъ жесточайшей казни. Такъ, онъ на портикахъ площадей повѣсилъ большіе рога оленей, по видимому, для того, чтобы показать величину этихъ пойманныхъ имъ звѣрей, на самомъ же дѣлѣ, — чтобы наругаться надъ гражданами и осмѣять распутство ихъ женъ, *ставившихъ имъ рога*. Положивши однажды на всегда въ основаніе души своей жестокость, и ей подчиняя всю свою дѣятельность, сей человекъ

считалъ тотъ день потеряннымъ, въ который онъ не ослѣпилъ какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругалъ, или не устрасилъ грознымъ взглядомъ и дикимъ выраженіемъ гнѣва. Посему, люди того времени жили печально и уныло. Не было пощады и женщинамъ: и онѣ не избавлялись отъ тяжкихъ наказаній, напротивъ и изъ нихъ многія были ослѣплены, брошены въ тюрьмы, подвержены тѣлесному наказанію, Отецъ тогда пренебрегалъ дѣтьми, дѣти не заботились объ отцѣ. Если въ одномъ домѣ было пять человѣкъ, то трое возставали противъ двоихъ и двое противъ троихъ. Многіе, избѣгая гнѣва Андроника, какъ пожара, безъ оглядки бѣжали изъ отечества и поселялись у сосѣднихъ народовъ.

Выслушаемъ рассказы Хоніата объ ужасныхъ жестокостяхъ сего человѣка.

Повѣсивъ братьевъ Севастьяновъ за то, что они хотѣли будто бы свергнуть его съ престола и воцарить Алексѣя Комнина, вступившаго въ бракъ съ дочерью его Ириною, онъ схватилъ его, ослѣпилъ и сослалъ въ городъ Хилу, гдѣ и заперъ его въ башнѣ, а жену его, — свою дочь родную, возненавидѣлъ и удалилъ отъ себя, *приказавъ ей не скорбѣть о своемъ мужѣ*. Однако она плакала и приняла монашескій постригъ. У мужа ея былъ писмоводитель, по имени Мамала. Андроникъ приказалъ сожечь этого человѣка на конномъ циркѣ. И вотъ, разведенъ былъ огонь. Привели юношу, у котораго только что начала показываться борода, въ оковахъ, нагаго. Сожигатели обступили его, и длинными острыми шестами стали толкать его въ самую средину огня. Но онъ, чувствуя боль, то бросался на обращенные противъ него шесты, то пламенемъ объятый быстрымъ прыжкомъ выскакивалъ изъ костра. Такое зрѣлище продолжалось долго. Зрители плакали. Наконецъ онъ, выбившись изъ силъ, упалъ навзничъ и сгорѣлъ. Какое лютое пожарище!

Андроникъ не одобрялъ бывшаго въ то время обычая спорить о божественныхъ догматахъ, и отнюдь не любилъ говорить или слушать что-нибудь новое о Богѣ. Посему онъ не только

разбранилъ Еввемія, епископа Новопатрскаго, мужа ученѣйшаго, и Иоанна Киннама за то, что они въ царскомъ дворцѣ, въ бытность его въ Лопадіѣ, разсуждали о словахъ Богочеловѣка: *Отецъ мой болѣе мене есть*, но и съ великимъ гнѣвомъ сказалъ имъ, что бросить ихъ въ рѣку Риндакъ, если они не перестанутъ говорить о Богѣ. Однако онъ цѣнилъ образованіе и не удалялъ отъ себя людей ученыхъ, напротивъ приближалъ ихъ къ своему престолу, часто поощрялъ подарками и удостоивалъ немаловажныхъ почестей, ободрялъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, и весьма уважалъ искусныхъ правовѣдовъ. А портреты задушенной имъ царицы Ксеніи, матери царя Алексѣя, онъ приказалъ переписать и представить ее въ видѣ морщинистой старухи, опасаясь сожалѣнія прохожихъ при видѣ ея блистательной, прекраснѣйшей и истинно достойной царствования наружности.

Такъ раздражителенъ суровъ и жестокъ былъ Андроникъ. Но въ немъ были и добрыя качества. Онъ помогалъ бѣднымъ подданнымъ щедрыми подаваніями, если они не враждовали противъ него за злодѣянія его. Онъ до такой степени обуздаль хищничество вельможъ, что въ его царствованіе населеніе увеличилось во многихъ областяхъ. Кто отдалъ *Кесарева Кесареви*, съ того никто больше не спрашивалъ, у того не отнимали, какъ бывало прежде, послѣдней рубашки и насиліемъ не доводили до могилы. Но что еще важнѣе: Андроникъ, посылая въ области правителей, назначалъ имъ большое жалованье, и въ то же время объявлялъ: какимъ подвергнутся они наказаніямъ, если нарушатъ его повелѣнія. Онъ не продавалъ общественныхъ должностей, но представлялъ ихъ даромъ лицамъ избраннымъ. У Ромеевъ былъ безумный обычай: когда взволнованное море бушевало и выбрасывало корабли на берегъ, тогда прибрежные жители не оказывали имъ никакой помощи, а напротивъ расхищали все, чего не унесли волны. Андроникъ совершенно прекратилъ это грабительство кораблей; и не было случая, чтобы корабль, пострадавшій отъ напора волнъ, потерялъ что-нибудь изъ клажи, или чтобы сняли часть палубы его, или срубили мачту, или унесли якорь, или

похитили хоть малѣйшую веревочку. Кромѣ сего, этотъ государь возобновилъ въ Константинополѣ старый подземный водопроводъ, проведши воду въ него изъ рѣчки Идралы. Еще одна хорошая сторона! Андроникъ былъ доступенъ для всѣхъ, кто приходилъ жаловаться на самоуправство и насиліе. Наравнѣ съ людьми простыми, онъ призывалъ къ суду и людей знатныхъ по роду и богатству, тѣхъ и другихъ выслушивалъ внимательно и, если оказывалось, что человекъ, гордый и считающій безчестіемъ для себя судиться съ бѣднякомъ, обижалъ, или тѣснилъ, или билъ кулакомъ своего ближняго, жестоко ругалъ его за это и наказывалъ. Такъ, однажды пришли къ нему поселяне и жаловались на Теодора Дадиврина, что онъ, остановившись у нихъ проѣздомъ и взявши все, что нужно было ему самому и всей прислугѣ его и лошадямъ, уѣхалъ, ничего не заплативши. Рассмотрѣвъ дѣло и увидѣвъ, что поселяне говорятъ правду, Андроникъ Дадиврина наказалъ двѣнадцатью палочными ударами, а поселянамъ приказалъ выдать изъ царской казны гораздо больше, чѣмъ сколько стоили ихъ издержки. А къ нѣкоторымъ народнымъ правителямъ онъ писалъ: „истинный князь лжи, ты, глупый мой Синезій, и ты, продажный Лахана! Дошло до моего царскаго слуха, что вы дѣлаете много обидъ: такъ перестаньте обижать, или проститесь съ жизнію. Что вы обижаете и живете: это и Богу негодно и мнѣ рабу Его несносно“.

Андроникъ имѣлъ завидную наружность. Станъ у него былъ прямой, ростъ высокій, лице даже въ глубокой старости молодежливое. Онъ былъ необыкновенно здоровый человекъ, потому что чуждался изысканныхъ лакомствъ, не былъ ни обжора, ни пьяница, и любилъ ѣсть только жареное на огнѣ, отъ чего не бывало у него отрыжки.

Послѣднее намѣреніе его, къ счастію не исполненное, выходило изъ предѣловъ безчеловѣчія. Видя съ одной стороны, что владѣнія его уменьшаются и что Латины (Сициліанцы и Италіанцы) опустошаютъ все, встрѣчающееся имъ на пути къ Константинополю, а съ другой замѣчая, что и подданные его начинаютъ го-

ворить свободнѣе и склоняются къ мятежу, Андроникъ осудилъ на смерть не только всѣхъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, но и родственниковъ ихъ. Какая польза, — говорилъ онъ, — если на мѣсто одной отрубленной головы народится множество новыхъ, и никто не приложитъ къ нимъ раскаленнаго желѣза? Собравъ совѣтъ изъ своихъ друзей и продажныхъ судей, которые ищутъ царскаго стола, какъ коршуны труповъ, Андроникъ представилъ имъ въ трогательномъ видѣ: сколько бѣдъ надѣлали Италіанцы; какимъ опустошеніямъ подвергли они западныя области, и сколько завоевали городовъ; и виновниками всего этого объявилъ своихъ противниковъ. „Они, — говорилъ онъ, — жаждутъ гибели Андроника и готовы на все, только бы лишиться Андроника власти и умертвить его. Не имѣя возможности осуществить свое желаніе при содѣйствіи своихъ соотечественниковъ, они призвали иноземное войско. Но клянусь моею старостію: не поражаются враги Андроника, и что замышляютъ противъ Андроника, то сами получаютъ отъ Андроника. Ежели судьба влечетъ и Андроника въ жилище ада, то они будутъ предшествовать ему и первые откроютъ путь туда, и уже за ними пойдетъ Андроникъ“. Такъ какъ всѣ сообщники его громко закричали, что этихъ людей надобно стереть съ лица земли, то и рѣшено было истребить всѣхъ, кто только содержался въ темницѣ, или былъ отправленъ въ ссылку, да и всѣхъ приверженцовъ ихъ и родственниковъ. Такой приговоръ тотчасъ изложенъ былъ на бумагѣ. Начиная же онъ такъ: „по внушенію Божію, а не по приказанію державнаго и святаго государя, опредѣляемъ и объявляемъ, что для пользы государства и для блага Андроника, спасителя Ромеевъ, необходимо уничтожить тѣхъ дерзкихъ крамольниковъ, которые содержатся въ темницахъ, или отправлены въ ссылку, равно захватить и умертвить и всѣхъ ихъ приверженцовъ и родственниковъ“ и проч.— Этотъ приговоръ изумляетъ меня. Не могу понять: почему они убійство приписывали Богу, безстыдно называя вдохновеніемъ божіимъ то, что внушилъ исконный человекоубійца. Они могли говорить иначе и не клеветать на Бога, какъ будто ему пріятно

убійство, когда онъ въ началѣ создалъ человѣка для жизни, и не сотворилъ смерти, когда къ нему вопіеть кровь Авеля, и самъ онъ вѣщаетъ, что не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, что бы онъ обратился и жилъ. Осудивши, такимъ образомъ, всѣхъ на гибель, судьи оставили собраніе, а Андроникъ въ сундукъ положилъ гнусный приговоръ ихъ, и не успѣлъ исполнить его, потому что вскорѣ умеръ позорно.

Случилось: взбунтовались жители Константинополя и провозгласили царемъ Исаака Ангелоса въ храмъ св. Софіи, гдѣ онъ укрылся отъ мести Андроника, который въ это время жилъ въ Милудійскомъ дворцѣ на восточной сторонѣ Пропонтиды. Напрасно приверженцы сего лютаго человѣка старались укротить волненіе народное. Напрасно воротился въ столицу свою Андроникъ, и, переговаривая съ народомъ, отказывался отъ царства и передавалъ его сыну своему Мануилу, надѣясь такъ отдалить близкую и крайнюю опасность. Народъ не слушалъ его и самыми гнусными ругательствами осыпалъ какъ его самого, такъ и того, кого онъ представлялъ ему, какъ наследника царства. Когда же чернь ворвалась во дворецъ, Андроникъ обратился въ бѣгство и на суднѣ отплылъ въ Милудійскій дворецъ, вознамѣрившись бѣжать оттуда къ Тавроскиамъ. Но Исаакъ послалъ за нимъ погоню. Его поймали и въ оковахъ привели къ сему новому государю. Тутъ его ругали, били по щекамъ, толкали пинками, щипали у него бороду, вырывали зубы и волосы на головѣ. Затѣмъ онъ отданъ былъ на общее всѣмъ поруганіе, при чемъ били его даже женщины, и особенно тѣ, которыхъ мужей онъ умертвилъ, или ослѣпилъ. Наконецъ ему отрубили правую руку и снова бросили въ тюрьму, гдѣ онъ оставался безъ пищи и питья, и ни отъ кого не видѣлъ ни малѣйшаго попеченія. А спустя нѣсколько дней ему выкололи лѣвый глазъ, посадили на паршиваго верблюда и водили по площади. Тогда голова его была обнажена, а тѣло прикрито короткимъ рубищемъ. Жалкое было то зрѣлище, исторгавшее потоки слезъ изъ кроткихъ очей. Но глупые и наглые жители Константинополя и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ,

которые кое-какъ живутъ починкою сапоговъ, или съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище, съ безмысленнымъ гнѣвомъ злодѣйски нападали на Андроника; и не было зла, котораго не сдѣлали бы ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ на лице его. Нѣкоторые срамными словами поносили мать и отца его, иные рожнами кололи ему бока, а люди, еще болѣе наглые, бросали въ него камни и называли его бѣшеною собакою. Одна же распутная женщина, схвативши изъ кухни горшокъ съ горячею водою, вылила ее на лице его. Словомъ: не было никого, кто не злодѣйствовалъ бы надъ Андроникомъ. Наконецъ, привели его въ открытый театръ, стащили съ жалкаго верблюда и повѣсили за ноги между двумя столбами. Перенести такое множество страданій Андроникъ все еще крѣпился и говорилъ: „Господи помилуй! Для чего вы еще ломаете сокрушенную трость?“ Между тѣмъ безмысленнѣйшая чернь, разорвавъ у него рубашку, терзала дѣтородные члены его; а одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей. Нѣкоторые же изъ Латинянъ со всего размаха всадили ему въ задницу ятаганъ и, ставши подлѣ него, рубили его мечами. Наконецъ послѣ такого множества мученій и страданій онъ съ трудомъ испустилъ духъ свой.

Царствовалъ онъ два года, а одинъ годъ управлялъ дѣлами безъ порфиры и царской діадимы.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИСААКА.

Исаакъ Ангелосъ, нечаянно получившій царскую власть, перешелъ во дворецъ Влахернскій, и показалъ себя государемъ, по видимому, правосуднымъ. Всѣ, томившіеся въ ссылкахъ, были возвращены имъ въ дома ихъ, а имущества ихъ частію отысканы и отданы имъ, частію оплачены государственною казною. Греки, видя въ воцареніи Исаака какъ бы перемѣну зимы на весну, или

бури на тишину, со всѣхъ сторонъ пошли въ Константинополь, одни для того, чтобы только взглянуть на новаго Зоровавеля, другіе, чтобы получить слѣдующее служащимъ въ войскѣ содержаніе, а нѣкоторые и для того, чтобы записаться въ полки и отправиться на войну съ Сициліанцами, изъ которыхъ одни стояли лагеремъ при рѣкѣ Стримонѣ, въ окрестностяхъ города Амфиполя, и другіе въ Мисинополь.

Между тѣмъ, какъ только паденіе Андроника стало извѣстно спроваждавшимъ сына его Іоанна въ Филиппополь, тотчасъ и онъ былъ ослѣпленъ и умерщвленъ. Братъ его Мануиль былъ такъ же ослѣпленъ въ тюрьмѣ, хотя ничѣмъ нельзя было доказать, что онъ сколько нибудь участвовалъ въ преступленіяхъ своего отца.

Была война у Грековъ съ Болгарами. Царь Исаакъ не участвовалъ въ ней лично, и начальство надъ войскомъ своимъ ввѣрилъ своему дядѣ по отцу, севастократору Іоанну, но вскорѣ лишилъ его сего начальства по подозрѣнію въ замыслѣ на царскую власть. Его мѣсто заступилъ кесарь Іоаннъ Кантакузинъ, зять царя по сестрѣ. Это былъ человекъ съ счастливою наружностію и весьма опытный въ военной тактикѣ, но тогдашнюю войну съ Болгарами и Валахами велъ несчастливо. Посему на мѣсто его назначенъ былъ Алексѣй Врана. А Врана этотъ уже давно задумалъ быть царемъ. Въ настоящее время начальство надъ полками пришлось ему кстати. По совѣту своихъ многочисленныхъ и могущественныхъ единомышленниковъ, Адрианопольскихъ гражданъ, преданныхъ ему по родству съ нимъ, онъ надѣлъ красные сандалии, перешелъ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ Андрианополь, и, тутъ бывъ провозглашенъ царемъ отъ всего войска, двинулся къ Константинополю, и тамъ расположился лагеремъ около Филопатіона. Произошли перестрѣлки между солдатами его и царскими. Наконецъ Врана былъ убитъ кесаремъ Конрадомъ, а войско его обратилось въ бѣгство и разсѣялось. Тогда царь въ часъ пиршества велѣлъ принести голову Враны. Принесли ее, бросили на полъ и, какъ мячъ, начали дротиками перекидывать въ разныхъ направленіяхъ; наконецъ поднесли ее супругѣ Враны, содержав-

шейся въ царскихъ покояхъ, и спросили несчастную женщину: узнаетъ ли она, чья это голова. „Знаю,—отвѣчала она,—и плачу“. Супруга Враны была умная женщина, высоко цѣнившая приличную полу ея скромность, за что дядя ея по матери, царь Мануиль, называлъ ее красною женщиною и благоуханнымъ букетомъ ея пола въ царскомъ родѣ.

Между тѣмъ произошло неожиданное событіе. Царь Исаакъ дозволилъ столичнымъ обывателямъ и иногородцамъ наказать переходившихъ на сторону Враны подгородныхъ поселянъ и жителей Пропонтиды. И вотъ въ ночь, послѣ пораженія Враны, по домамъ несчастныхъ Пропонтидцовъ разливается греческій огонь, который, будучи затаенъ въ закрытыхъ сосудахъ, вдругъ вырывается изъ нихъ молніями и пожигаетъ все, на что ни падетъ. Врываясь за ограды, онъ истреблялъ каждое зданіе: было ли оно святыи храмъ, монастырь, общественное или частное строеніе. И такъ какъ бѣда постигла неожиданно, то огонь истреблялъ не только жилища, но и имущества людей, потому что никто ничего не могъ спасти, кромѣ какой нибудь мелочи. Съ наступленіемъ утра выступилъ изъ города собранный кесаремъ Конрадомъ латинскій отрядъ въ сопровожденіи множества бродягъ и нищихъ, вооруженныхъ тѣмъ, что попало въ руки. Вся эта толпа бросилась грабить и разбойничать въ окрестностяхъ Константинополя. Жилища были разрушены до основаній; имущество, какое было въ нихъ, расхищено; святыя обители ограблены; сѣдина почтенныхъ иноковъ пренебрежена. Царь прекратилъ сей мятежъ, но поздно,—когда все большею частію было истреблено. Вскорѣ послѣ сего городскіе ремесленники рѣшились отмстить латинамъ за ихъ заносчивость и за тѣ ужасныя бѣдствія, кои они только что причинили подгороднымъ жителямъ. Скопившеюся толпою управляла не одна безумная ярость, но и жажда чужихъ денегъ. Рыночные торгаши думали, что теперь наступило самое удобное время прогнать Латинянъ изъ домовъ ихъ и расхитить ихъ имущества, какъ это было во дни царя Андроника. Но они ошиблись въ своихъ расчетахъ. Латинны огородились рогатками, и изъ-за нихъ стрѣ-

лами поражали мятежниковъ. Наконецъ посланные царемъ умные люди успѣли остановить ихъ. Такъ-то,—говорить Хоніатъ,—шли дѣла наши!

Какъ поступалъ Исаакъ съ вселенскими патриархами? Воцарившись, онъ отрѣшилъ отъ патриаршаго престола Василя Каматира, не смотря на то, что сей архипастырь много содѣйствовалъ ему въ полученіи царской власти. Причиною низложенія его послужило то, что онъ далъ разрѣшеніе снять черное платье и жать по-мірски тѣмъ женщинамъ высшаго сословія, которыхъ Андроникъ противъ, воли омонашилъ. На мѣсто его поставленъ былъ сакелларій Великой Церкви Никита Мунтанъ. Но царь не далъ однако и этому дряхлому старцу скончаться на патриаршемъ престолѣ, и, называя его человѣкомъ бесполезнымъ и осуждая за старость, свергъ и его съ каедръ безъ всякой вины и противъ его желанія. Потомъ, будто бы Богоматерь ночью указала ему преемника сверженнаго архипастыря въ лицѣ монаха Леонтія, описавъ видъ его и доблести и повѣдавъ мѣсто, въ которомъ онъ жилъ. Но не прошло года, какъ и этотъ былъ лишень патриаршества. Осрамивъ сего Леонтія, Исаакъ хитро возвелъ на вселенскую каедру Іерусалимскаго патриарха Досиѳея, родомъ Венеціанца. А такъ какъ всѣ ненавидѣли его, какъ искателя чужой каедръ, и какъ человѣка, который внушалъ государю самыя неблагоразумныя распоряженія и въ тоже время былъ непростительно самолюбивъ; то и онъ принужденъ былъ разстаться съ пышностію вселенскаго престола, да лишился и Іерусалимской каедръ, на которую возведенъ былъ другой.

Царь Исаакъ отъ перваго брака имѣлъ двухъ дочерей и одного сына. Старшую дочь онъ омонашилъ, а младшую отдалъ въ замужество за сына сицилійскаго короля Танкреда; сына же своего Алексѣя готовилъ въ наслѣдники престола, хотя и воображалъ, что самъ будетъ царствовать 32 года. Во дни его являлись самозванцы, предъявлявшіе права свои на царскій престолъ. Однако всѣ они были истреблены. Причиною такихъ частыхъ мятежей была слабость правленія Исаака, который крѣпко убѣж-

день былъ въ томъ, что какъ Богъ даровалъ ему власть, такъ Онъ одинъ и охранять его долженъ. Но пуще всего побуждалъ властолюбивыхъ людей къ мятежу примѣръ самого царя, получившаго власть безъ всякаго труда. Имъ казалось, что стоитъ только захотѣть, и они будутъ царствовать. При такомъ самообольщеніи многіе изъ нихъ брались за выполнение своихъ предпріятій даже безъ оружія, утопывая только ту дорожку, которую въ виду ихъ проложилъ самъ Исаакъ, вечеромъ убившій Агіохристорита и искавшій убѣжища въ Великой церкви, а на другой день утромъ восшедшій на царскій престолъ. Посему насколько расчетъ ихъ предпріятія былъ слабъ, настолько несчастны были его послѣдствія; и они вмѣсто мантии изъ багряницы покрывались мантиею багроваго стыда, а иногда даже чернобагровой смерти.

Съ другой стороны Исаакъ, будучи чрезмѣрно раздражителенъ и слишкомъ высоко мечтая о себѣ, казнилъ многихъ не только по какому-нибудь ничтожному и случайному поводу, но иногда по одному подозрѣнію, или по наущенію другихъ. Такъ, онъ ослѣпилъ солунскаго градоначальника Андроника Комнина по доносу на него, будто онъ простираетъ свои виды на царскій престолъ, а *мнимаго* соучастника его Алексѣя, сына Θεодоры Комниной, умнаго и весьма любезнаго ко всѣмъ мужа, омонашилъ, и, приглашая его къ своему столу и предлагая мясныя снѣди, частенько приговаривалъ: „кушай настоятель“. Такъ же точно, онъ лишилъ зрѣнія Константина Аспіета за то только, что сей военачальникъ попросилъ у него для войска своего провіантскихъ денегъ, невыдававшихся цѣлый годъ.

Странный человѣкъ былъ этотъ Исаакъ. Онъ вполне вѣрилъ всѣмъ нелѣпымъ отзывамъ о немъ придворныхъ льстецовъ, и, высказывая то, что таилось въ сокровенной глубинѣ его сердца, часто говаривалъ, что Господь пересталъ слышать молитвы наши и предалъ насъ для наказанія народу буйному и неразумному (Болгарамъ и Команамъ), не за общіе грѣхи наши, а за участіе въ возстаніи Враны. Но то ли еще говорилъ сей государь, по-

бѣжденный Болгарами? Онъ говорилъ, что оснуетъ всемірную монархію, выжметъ сокъ изъ всѣхъ народовъ, самъ пойдетъ въ Палестину, освободитъ ее и приобрѣтетъ славу Ливанову, а Измаильтянъ оттѣснитъ за рѣку Евфратъ, и плѣнитъ и разгонитъ всѣхъ язычниковъ. Царь прибавлялъ къ сему, что тогдашніе полководцы его не будутъ похожи на нынѣшнихъ; напротивъ, будутъ сильнѣе, съѣдятъ богатство народовъ, и высосутъ жирный мозжечекъ изъ костей ихъ, по власти и знатности равняясь нынѣшнимъ королямъ. Все это вдолбили Исааку разные пустомели, подобною болтовнею подтачивая и проѣдая, подобно моли, разумъ его, жадный до всякой диковины и новизны; или лучше, какъ няньки убаюкиваютъ дѣтей въ колыбели, такъ они напѣвомъ подобныхъ басней усыпляли царя въ его празднои и распущенной жизни, какъ будто бы при всей праздности его наступитъ опредѣленный часъ, въ который всѣ царства сами покорятся ему, точь въ точь, какъ древніе живописцы рисовали Тимофея: онъ спитъ, а счастье ходитъ около него, загнавши всѣ города въ одну сѣть, и передаетъ ихъ ему во владѣніе.

Подобно состязателю на ристалищѣ, царь Исаакъ тотчасъ остановился у черты, отъ которой начинается бѣгъ, и не только не сдѣлалъ большихъ круговъ на аренѣ доблестей, но въ изнеможеніи потерялъ необходимую для состязанія бодрость, и совершенно обезсилѣлъ отъ одного порыва своихъ предположеній. Такимъ образомъ, передавая бразды общественнаго правленія то одному, то другому, онъ наконецъ ввѣрилъ управленіе всѣми дѣлами своему дядѣ по матери, Феодору Кастамониту. Это былъ образованный человекъ, весьма хорошо понимавшій управленіе дѣлами и особенно сборъ общественныхъ податей; и царь, возведши его въ санъ логовѣта, сталъ какъ бы подданнымъ его, во всемъ слѣдуя указаніямъ его, или лучше, сдѣлался крѣпостнымъ слугою его, безъ всякаго разсужденія исполняя все, что онъ прикажетъ ему. По смерти Кастамонита, благосклонность Исаака перешла къ одному очень молодому человеку, которому надлежало бы еще учить таблицу умноженія. А когда и этотъ скончался, тогда

главное управленіе общественными дѣлами взялъ на себя одинъ мальчикъ, только что ознакомившійся съ употребленіемъ пера и чернилъ. Онъ не только вертѣлъ, по своей волѣ, самого государя, но распоряжался всѣми дѣлами даже по военному вѣдомству; вообще, при своей бойкости въ сужденіяхъ почти о всемъ и при изобрѣтательности въ дѣловыхъ предпріятіяхъ, что хотѣлъ, то и приказывалъ царю, и потому считался у него свѣше ниспосланнымъ благомъ, веселящимъ душу. И былъ онъ точно шмель, или комаръ, жужжащій въ ухо льву, чернокожій карликъ, управляющій громаднымъ слономъ, смурочекъ, которымъ тащатъ верблюда за носъ, узкая дверка, и замочикъ на дорогѣ къ царю. Широкіе ворота, чрезъ которые прежде свободно просители проходили къ государямъ, окончательно были заперты. Всегда надлежало заходить съ задняго крыльца. Но и тамъ нелегко было добиться пропуска, если кто не несъ чего либо въ своей пазахѣ, хотя бы пришлось продать даже рубашку свою. Дабы приобрѣсть любовь царя и одному замѣнить у него всѣхъ, этотъ мальчикъ-старецъ употреблялъ въ дѣло, какъ свой оборотливый, льстивый, и въ затруднительныхъ случаяхъ находчивый умъ, такъ и измѣнчивость и скрытность. Но въ особенности онъ привлекъ къ себѣ расположеніе и довѣренность царя тѣмъ, что дѣлаясь иногда съ нимъ взятками, отличался въ этомъ отношеніи замѣчательными промышленными способностями и такою страстію къ поборамъ, что не только хапалъ деньги и вещи, но бралъ и дыни и овощи.

Царь Исаакъ жилъ великолѣпно и любилъ подчивать гостей. На каждомъ пирѣ у него были горы хлѣба, царство звѣрей, море рыбъ, и океанъ вина. Черезъ день онъ принималъ освѣжительныя ванны, натирался благовонными мастями, прыскался духами, увѣшивался разными одеждами и завивался. Любя забавы и услаждаясь пѣснями, этотъ государь наполнилъ свой дворецъ шутами и карликами, комедіантами, скоморохами, тунеядцами и пѣсенниками. За всѣмъ этимъ, разумѣется, слѣдовало безчинное пьянство, наглое сладострастіе и все прочее, что быстро разрушаетъ благо-

устроенное государство. Однажды Исаакъ за обѣдомъ сказалъ: „подайте мнѣ соли“; а веселый и остроумный комедіантъ Халивуръ, окинувъ взоромъ сидѣвшихъ за столомъ женщинъ, родственницъ царя, и прислужницъ, крикнулъ: „царь! напередъ *познаемъ* вотъ этихъ, а потомъ пусть подадутся *оли*“ (т. е. другія женщины). Услышавъ это, всѣ расхохотались. Болѣе всего Исаакъ былъ занятъ постройкою громаднхъ зданій. Онъ даже священные сосуды бралъ изъ Божьихъ храмовъ для собственнаго стола. Кромѣ сего, вмѣсто кубковъ для питья употреблялъ чашеобразныя издѣлія изъ чистаго золота и драгоценныхъ камней, висѣвшія надъ царскими гробницами, а красивыя умывальницы церковныя обращалъ въ рукомойники, съ крестовъ же и съ досокъ, на которыхъ начертаны были изрѣченія Христовы, снималъ драгоценныя оклады, и изъ нихъ дѣлалъ ожерелья и цѣпи, а послѣ и эти цѣпи передѣлывалъ для другаго употребленія, не кстати прилаживая ихъ къ разнымъ царскимъ одеждамъ. Когда кто-нибудь рѣшался напомнить ему, что такіе поступки неприличны боголюбивому самодержцу, наслѣдовавшему отъ предковъ славу благочестія, тогда онъ сильно вооружался противъ такихъ напоминаній, говоря, что царямъ позволительно дѣлать все, и божественное употреблять наряду съ своимъ, такъ какъ власть свою они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ несоединимаго разстоянія. Кромѣ сего онъ, поддѣлывая серебро, чеканилъ нецѣнную монету, вообще не беззукоризненно собиралъ деньги, увеличивалъ тяжесть общественныхъ налоговъ, употребляя ихъ на излишество своей безпутной жизни, и торговалъ должностями. Что же касается церквей и иноческихъ обителей; то щедростію къ нимъ онъ превзошелъ всѣхъ государей: однѣ изъ нихъ возобновлялъ, другія украшалъ стѣнописью и мозаикою. Имъ построены были бесплатная гостинница на сто человекъ, больница при храмѣ святыхъ сорока мучениковъ, и особый пріютъ для недужныхъ. Въ страстную недѣлю Исаакъ разсыпалъ пособія вдовамъ, и дарилъ дѣвцамъ, что имъ нужно было на приданое, на брачныя подарки и свадебные расходы. Онъ оказывалъ благодѣянія даже

цѣлымъ городамъ, освобождая ихъ отъ податей. Словомъ сказать: онъ такъ любилъ расточать милости и такъ раззорялся на пособія нищимъ, что сыпалъ на нихъ казенные доходы обѣими руками. А отсюда явилась и угнѣздилась въ душѣ его мысль, что онъ вправѣ прибрѣтаетъ деньги не всегда праведно, и на должности можетъ назначать людей, которые доставляли бы ему на благочестивые расходы собранные ими деньги, какъ просовыя сѣмена хорошему земледѣльцу. Если онъ былъ раздражителенъ, то бывалъ и сострадателенъ. При такихъ дѣйствіяхъ этотъ государь думалъ, что на своемъ престолѣ онъ тверже, чѣмъ солнце на небѣ. Но иное присудилъ ему Богъ.

Родной братъ его Алексѣй свергъ его съ царскаго престола и ослѣпилъ, а помѣстилъ въ темницѣ близъ Диплокіона у Константинопольскаго Босфора. Тутъ онъ влачилъ свою жизнь, питаясь умеренно хлѣбомъ и виномъ.

Исаакъ царствовалъ девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Лице у него было румяное, волосы огненные, ростъ средній, тѣлосложеніе крѣпкое. Ему еще не исполнилось сорокъ лѣтъ, когда онъ лишенъ былъ престола.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ БРАТА ИСААКОВА.

Этотъ переворотъ совершился въ военномъ станѣ вдали отъ Константинополя. Оттуда Алексѣй ѣхалъ въ эту столицу медленно. Между тѣмъ супруга его Евфросинія приготовила ему въѣздъ самый торжественный, потому что сенатъ и народъ съ радостію встрѣтили совершившееся событіе. Однако когда она переѣзжала въ большой дворецъ, тогда нѣсколько безпокойныхъ ремесленниковъ и слѣчайно приставшихъ къ нимъ людей стройнымъ порядкомъ двинулись по направленію къ Великой церкви, провозглашая царемъ астролога, давно замышлявшаго быть царемъ, именно Алексѣя Кондостефана, и объявляя, что они болѣе не хотятъ терпѣть правленія Комниныхъ, которые имъ надоѣли. Послѣ того,

какъ царица Евфросинія не безъ опасности вступила въ большой дворець, сопровождавшіе ее люди знатнаго рода болѣе отважно, нежели благоразумно, устремились противъ Кондостефана, и тотчасъ разогнали чернь, а астролога схватили и посадили въ тюрьму. Когда народное движеніе было такимъ образомъ остановлено, тогда духовенство стало на сторонѣ новаго правительства; и одинъ церковникъ, подкупленный небольшимъ количествомъ денегъ, не дожидаясь приказанія архипастыря своего, взошелъ на священный амвонъ и провозгласилъ Алексѣя царемъ. Затѣмъ и патріархъ послѣ небольшого противленія перешелъ на сторону сильную. Когда же онъ уступилъ, тогда уже никто не посмѣлъ спорить; всѣ, какъ рабы, побѣжали въ большой дворець къ царицѣ и прежде, нежели увидѣли новаго властителя, или узнали точно, что сдѣлано съ прежнимъ царемъ, перегнулись въ три сгиба предъ женою челоуѣка, о которомъ сказали имъ, что онъ царь, подложили ей подъ ноги свои головы, какъ скамеечку, наперерывъ стремились, подобно таявкующимъ собаченкамъ, лизать кожу башмаковъ ея. До такой степени одна молва овладѣла этими бѣдняками! Съ своей стороны хитрая царица, умѣвшая пользоваться обстоятельствами, каждому сказала приличное слово, и своею любезною болтовнею очаровала византійскихъ простяковъ такъ, что они, какъ свиньи, кои отъ услажденія опрокидываются навзничь, когда имъ почешутъ брюхо, давши пощекотать себѣ уши ласковыми привѣтствіями, нашли, что во всемъ случившемся не было ничего возмутительнаго. Такъ все было подготовлено ко вступленію царя Алексѣя безъ пролитія капли крови и даже безъ наказанія кого бы то ни было лишеніемъ имущества. Спустя нѣсколько дней, наконецъ, самъ онъ вступаетъ въ Византію и во всемъ убранствѣ, сидя на раззолоченномъ ложѣ, весело принимаетъ всѣхъ, явившихся къ нему, нимало не смущаясь мыслию о томъ, что онъ сдѣлалъ съ своимъ братомъ. Затѣмъ Алексѣй въ храмѣ св. Софіи былъ помазанъ на царство. Но когда онъ вышелъ оттуда и сталъ садиться на арабскаго коня, это животное взбѣсилось такъ, что съ головы царя слетѣлъ вѣнецъ, да и самъ онъ сброшенъ былъ

съ него. Привели другаго коня, и царь поѣхалъ. Но замѣтно было, что корона на немъ была не цѣла: и это было сочтено предзнаменованіемъ будущности неблагоприятной.

Алексѣй послѣ вѣнчанія на царство предался праздности, какъ будто бы царствованіе, по его понятіямъ, состояло не въ попечительности о благѣ людей, а въ удобствахъ роскоши и наслажденіяхъ нѣги. Итакъ, бросивъ управленіе общественными дѣлами, какъ бросаетъ свое кормило кормчій, изнемогшій въ борьбѣ съ волнами, онъ только и дѣлалъ, что рядился въ золото, выслушивая всякіе доклады и исполняя просьбы всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ ему въ достиженіи власти, и безпощадно сорилъ деньги, которыя собиралъ Исаакъ. Супруга сего государя, женщина умная, надѣленная даромъ говорить увлекательно, любезно, сладко, граціозно, способная предвидѣть будущее и въ то же время умѣвшая пользоваться настоящимъ, была также злая зараза. Я не обращаю вниманія (говоритъ Хоніатъ) на ея наряды, на роскошь, которую она завела, на ея страсть перемѣнять все, что есть, и выдумывать небывалое; но говорю о томъ безстыдствѣ, съ какимъ она, отбросивъ приличіе, срамила себя и позорила своего мужа. Между тѣмъ она достигла того, что царская власть раздѣлилась между двумя: уже не одинъ государь приказывалъ теперь, что ему было угодно, но съ полномочіемъ распоряжалась всѣмъ и государыня по своему усмотрѣнію, часто даже отмѣняя то, что повѣлено было царемъ, и дѣлая распоряженіе иное. Помощникомъ ей былъ Константинъ Месопотамскій, тотъ самый, который имѣлъ большую силу при Исаакѣ Ангелосѣ. Она помирила его съ мужемъ. Тяжело было перенести эту неожиданную новость всѣмъ, кто прежде имѣлъ силу, а теперь утратилъ ее, и подобно *свѣтляку* сдѣлался незамѣтенъ съ разсвѣтомъ дня; но кровные родственники государыни едва не задохлись съ досады отъ такой перемѣны дѣлъ. Тогда они возстали противъ нея и изыскивали средства отмстить ей жестоко. И отмести. Явившись къ государю, они между прочимъ сказали ему: „твоя невинная супруга, государь, открыто ведетъ себя самымъ гнуснымъ образомъ; и мы

опасаемся, какъ бы она, оскверняя, какъ блудница, твое супружеское ложе, не вздумала произвести какой-либо новый переворотъ, потому что она употребитъ всѣ старанія, чтобы царемъ былъ тотъ, съ кѣмъ она постоянно любезничаетъ и безстыдно раздѣляетъ ложе. Посему, необходимо положить конецъ ея могуществу и остановить отовсюдное стеченіе къ ней огромныхъ суммъ. Ея любовника, котораго ты усыновилъ, а она сдѣлала своимъ наложникомъ, надобно безотлательно теперь же уничтожить, дабы пресѣчь навсегда такой позоръ. Судь же надъ преступною женою лучше отложить до того времени, когда ты, съ Божіею помощію совершивъ настоящій походъ (въ западныя области), возвратишься въ Константинополь". — Между тѣмъ, царица Евфросинія, смѣтивъ, какая буря готова разразиться надъ нею, жалобно просила всякаго, кто только пользовался довѣренностію царя, защитить ее предъ нимъ, такъ какъ ей грозитъ опасность быть изгнанною изъ дворца и даже лишиться жизни. Дѣйствительно, весьма многіе сжалились надъ нею, и одни изъ нихъ убѣждали царя пренебречь взведенными на жену обвиненіями, называя обвинителей ея колючими и лукавыми сплетниками; другіе совѣтовали ему дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ осмотрительно, дабы послѣ не пришлось опять принять въ свой домъ ту, которую теперь прогнать, какъ блудницу. Послѣ сего царь, перешедши въ Влахернскій дворецъ, не вдругъ излилъ свой гнѣвъ. Однажды онъ допустилъ Евфросинію къ своему столу, потомъ не хотѣлъ болѣе жить съ нею. Она же настоятельно требовала суда. Но царь, строго допросивъ нѣкоторыхъ спальничныхъ женщинъ и евнуховъ, приказалъ удалить ее изъ дворца съ лишеніемъ всѣхъ царственныхъ украшеній и отличій. Итакъ, вывели ее оттуда тайнымъ ходомъ въ бѣдномъ балахончикѣ, какой обыкновенно носятъ женщины, трудами рукъ своихъ добывающія себѣ пропитаніе, въ сопровожденіи двухъ служанокъ варварскаго происхожденія, плохо понимавшихъ греческій языкъ, посадили въ двухвесельную лодку и отвезли въ женскій монастырь, построенный около устья въ Понта, именно Ниматарейскій. Послѣ того, какъ эта государыня

была удалена такимъ образомъ, оговорившіе ее родственники пожалѣли о ней тѣмъ болѣе, что общее презрѣніе преслѣдовало ихъ за то, что они безъ всякой надобности обезславили женщину, которая была виновницею ихъ собственной славы. Всѣ родственники царя составили союзъ между собою въ этомъ общемъ дѣлѣ, а Константинъ Месопотамскій пустилъ въ ходъ всѣ машины. Такимъ образомъ царица, по прошествіи шестимѣсячнаго заточенія ея въ монастырѣ, опять была призвана, и получила силу болѣе прежней. Она не мстила своимъ врагамъ, а мужа своего, хотъ онъ и прервалъ всѣ супружескія сношенія съ нею, подчинила себѣ хитрымъ обращеніемъ съ нимъ, дѣлала изъ него, съ помощію искусной лести, все, что хотѣла, и забрала въ свои руки всѣ отрасли государственнаго управленія (Удивительная женщина!).

Между тѣмъ, Константинъ Месопотамскій, по собственной просьбѣ его, рукоположенъ былъ сперва въ діакона Великой церкви, потомъ въ епископа въ городъ Солунь, но жилъ въ Константинополѣ, занимаясь здѣсь государственными дѣлами и, подобно блохѣ, скакалъ по головамъ многихъ людей. Однако эти люди соединились противъ него, составили нѣсколько пустыхъ и безсвязныхъ обвиненій и успѣли въ своемъ замыслѣ. Константинъ не только былъ выброшенъ изъ дворца, какъ какой-нибудь небольшой шарикъ, пущенный сильною машиною, но лишенъ и архіерейскаго сана.

Въ такихъ и подобныхъ дѣлахъ прошли три года послѣ воцаренія Алексѣя Комнина. Дальнѣйшее время его царствованія не представляетъ ничего особенно новаго сравнительно съ прежнимъ: тѣ же порядки, та же распущенность въ жизни, и непременно то же безпредѣльное высокомеріе!

Во все это время царица Евфросинія заботилась о здоровьѣ своего мужа, страдавшаго подагрой, но гораздо болѣе думала о томъ: кто будетъ преемникомъ царя, у котораго не было сына, и хотѣла, чтобы этотъ человѣкъ былъ почтителенъ къ ней. Разныя лица указывали ей разныхъ сановниковъ, и при этомъ руко-

водствовались единственно своею выгодою. Изъ знаменитыхъ родомъ и богатствомъ протостраторъ Мануиль Камиць противодѣйствовалъ своему дядѣ по матери севастократору Іоанну; а этотъ въ свою очередь мѣшалъ ему. Три царскіе брата, ослѣпленные Андроникомъ, и зять ихъ по сестрѣ, Іоаннъ Кантакузинъ, такъ же лишенный зрѣнія, прочили на престолъ своихъ дѣтей. Были люди, которые недавно грызли жолуди и жевали Понтійскую свинину, а теперь открыто изъявляли свои притязанія на царскій престолъ. — О, знаменитая греческая держава! Кто не овладѣвалъ тобою насильно? Кто не безчестилъ тебя нагло? Кого ты не украшала діадимою и не обувала въ царскіе сандалии? Тебя можно сравнить съ царственною женщиною, которая надѣлена всѣми счастливыми дарами природы и внушаетъ благоговѣніе строгою красотою своею, величественною осанкою и благороднымъ взглядомъ, но увлечена безстыдными развратниками, нестоющими полушки. О, позоръ! Чего ты не вытерпѣла? Чего не наглядѣлась? Исчезли то скромное выраженіе въ лицѣ, та безыскусственная красота, то цѣломудренное и сдержанное обращеніе съ людьми, кои отличали тебя прежде. Твое лице поддѣлано и написано разными снадобьями; ты стала сладострастною и предалась распутству. Когда же наконецъ не будетъ у тебя благообразія безобразнаго, прелести отвратительной, походки дерзкой, взгляда искусственнаго? Или кто хоть насильно вырветъ тебя изъ тиранническихъ объятій, и возвратитъ къ прежнему независимому образу жизни? А теперь, вмѣсто того, чтобы жалѣть тебя, мы скорѣе готовы смѣяться надъ тобою, замѣчая твои предосудительныя связи и видя позоръ твой, боимся, какъ бы ты не погибла окончательно, и не испытала такого паденія, послѣ котораго уже нѣтъ возстанія.

(Горьки эти слова Хоніата, предвидѣвшаго паденіе Византійскаго царства!)

Не менѣе горько повѣствованіе сего историка о царицѣ Евфросиніѣ. „Ея необузданность портила и затмѣвала даже и то, что въ жизни ея, по видимому, согласовалось съ требованіями долга

и благоприличія. Увлекаясь страстію знать будущее, она позволяла себѣ разныя постыдныя гаданія и прорицанія, и множество непристойныхъ поступковъ. Такъ, она отрубила носъ у мѣдной статуи Калидонскаго вепря на ипподромѣ, жестоко высѣкла розгами по спинѣ истуканъ знаменитаго Геркулеса, — дивное произведеніе Лисимаха. У иныхъ статуй мужскихъ отбила половые члены, другія обезглавила ударами молота по головѣ. За то въ какихъ непристойныхъ выраженіяхъ не отзывались о ней въ городѣ, и какою поносною бранью не ругалъ ее народъ за такія дѣянія? Но она, не обращая вниманія на всѣ толки, въ мужской одеждѣ, съ ловчею птицею въ рукѣ, въ сопровожденіи охотниковъ и ловчихъ, отправлялась на охоту, и предавалась всѣмъ наслажденіямъ травли, подъускиванья и разныхъ охотничьихъ криковъ.

Царь Алексѣй, свергнувъ съ престола брата своего Исаака, позволилъ ему жить свободно близъ Диплокіона, и никому не запрещалъ посѣщать его, забывши, что огорченія раздражаютъ людей и долго помнятся, и что мстительность никогда не дремлетъ, но всегда готова воспользоваться благопріятными обстоятельствами, дабы нечаянно всею тяжестію своею пасть на оскорбителей. Такимъ образомъ, всякій желающій имѣлъ свободный доступъ къ Исааку, и между прочими ходили къ нему латины. Съ ними онъ тайно совѣщался, какъ бы низвергнуть Алексѣя, и посылалъ письма къ дочерѣ своей Иринѣ, супругѣ Филиппа, тогдашняго правителя Сициліи, съ мольбою, чтобы она заступилась за отца своего. Равнымъ образомъ, сыну Исаака Алексѣю, по освобожденіи его изъ заключенія, царь предоставилъ полную свободу, и даже самъ, отправляясь въ походъ противъ протостратора, позволилъ ему сопровождать себя въ Дамокранію. Между тѣмъ, этотъ Алексѣй, безъ сомнѣнія, по мысли отца своего Исаака, условился бѣжать съ однимъ пизанцомъ, имѣвшимъ большой купеческій корабль, и только ожидалъ удобнаго времени ускользнуть моремъ и закрыть свой слѣдъ водою. Когда удобное къ отплытію время наступило, тогда корабль распустилъ паруса и доставилъ

Алексѣя въ Сицилію. Здѣсь сестра его Ирина выслала на встрѣчу ему тѣлохранителей, приняла брата съ распростертыми объятіями, и неотступно стала просить своего мужа Филиппа, чтобы онъ, сколько можно, помогъ ея отцу, лишенному своими родными не только власти, но и зрѣнія, и приютилъ брата ея, который странствуетъ, подобно блуждающей звѣздѣ, ничего не имѣя съ собою кромѣ своей собственной особы.

При этомъ, надобно оповѣстить еще одно важное обстоятельство. Братья Ангелосы недобросовѣстно пользовались властію, но особенно были корыстолюбивы, не опуская случая въ извлекать деньги даже изъ нечистыхъ источниковъ, и при томъ не берегли собираемыхъ богатствъ, но сыпали ихъ обѣими руками на драгоценныя одежды, болѣе же всего разорялись на любовницъ и на родню бесполезную. Посему, они не только опустошали греческіе города, взимая съ нихъ новыя небывалыя подати, но обирали и Латинянъ. Нарушая мирные договоры съ Венеціей, они часто налагали на Венеціанъ разные денежные налоги, брали съ ихъ кораблей контрибуціи и ссорили ихъ съ Пизанами, такъ что нерѣдко можно было видѣть, какъ среди самаго Константинополя, или въ открытомъ морѣ, граждане обѣихъ республикъ схватывались между собою и грабили своихъ соперниковъ, или подвергались ихъ грабежу. Помня все это, Венеціане выискивали удобный случай отмстить Грекамъ, особенно съ того времени, когда царь Алексѣй по скряжничеству отказался уплатить имъ 200 *миновъ* золота въ вознагражденіе за имущества, конфискованныя у нихъ еще царемъ Мануиломъ. Къ крайнему бѣдствію Византійцовъ, въ это время дожемъ Венеціи былъ Генрихъ-Дандуло, весьма озлобленный противъ нихъ. Онъ не хотѣлъ умереть до той поры, пока не отмститъ Грекамъ за все обиды, причиненныя ими народу его, и рѣшился взять Константинополь. Въ теченіи трехъ лѣтъ были построены имъ въ Венеціи двѣсти сорокъ судовъ; и по изготовленіи ихъ посажены были на палубы 1000 всадниковъ, закованныхъ въ желѣзо, и 30,000 пѣхоты. Какъ только сей флотъ приготовился выступить, къ одной бѣдѣ для Грековъ присоединилась

другая, по пословицѣ: *бѣда за бѣдою, какъ волна за волною*. Передъ самымъ отплытіемъ флота явился въ Венецію юный сынъ ослѣпленнаго царя Исаака, Алексѣй, снабженный грамотами Римскаго папы и сицилійскаго державца Филиппа, которые обѣщали величайшія выгоды всѣмъ вождямъ сего воинства, если они этого Алексѣя возведутъ на отцовскій престоль. Само собою разумѣется, что они охотно приняли его на свой флотъ, рассчитывая, такимъ образомъ, не только прикрыть благонамѣренностію свое разбойническое предпріятіе, но и вполне удовлетворить свою алчность несмѣтными грудями денегъ. Принявъ къ себѣ Алексѣя, они заставили его клятвенно согласиться на такія условія, которыхъ онъ никогда не могъ исполнить. Юноша же этотъ обѣщаль не только дать имъ цѣлый океанъ денегъ, но и отправиться вмѣстѣ съ ними на войну противъ Сарациновъ съ греческими пѣхотными полками и съ пятидесятью трехгребными кораблями. Сего мало. Онъ еще обѣщаль принять латинскія уклоненія отъ вѣры и признать все преимущества Римскаго папы.

Венеціанскій флотъ подступилъ къ Константинополю; и этотъ городъ осажденъ былъ съ моря и суши. Не было ни вала, ни другихъ какихъ-либо оборонъ; и только однѣ стѣны города отдѣляли осаждаемыхъ отъ осаждающихъ. Были вылазки и сшибки, но не сраженія. Царь Алексѣй съ своею дочерью Ириною поспѣшно убѣжалъ въ Девельтъ, гдѣ напередъ приготовилъ себѣ убѣжище. Трусливѣйшій изъ людей! Его не остановила любовь къ дѣтямъ и женѣ; его не тронула судьба великаго города; но въ малодушіи и трусости онъ промѣнялъ благо всѣхъ городовъ, областей и всего народа на свое личное спасеніе, и то сомнительное! Алексѣй царствовалъ восемь лѣтъ, три мѣсяца и десять дней.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИСААКА АНГЕЛОСА ВМѢСТѢ СЪ СЫНОМЪ ЕГО АЛЕКСѢЕМЪ.

Между тѣмъ, какъ этотъ бѣглець спѣшилъ, куда отправился, народъ, устранивъ отъ управленія всѣхъ приверженцовъ бѣглеца

и жену его Евфросинію, обратилъ взоры свои на брата его Исаака, томившагося въ заключеніи внутри дворца. Начальникъ царской казны, евнухъ Константинъ, позвалъ сѣкироносцовъ и сказалъ имъ надлежащую рѣчь. Между тѣмъ собрались сановники, которые давно съ нетерпѣніемъ желали вторичнаго воцаренія Исаака. И вотъ, царицу Евфросинію арестовали, всѣхъ родныхъ ея заключили въ темницѣ, а слѣпаго Исаака возвели на царскій престолъ. Немедленно Исаакъ послалъ вѣстниковъ къ своему сыну Алексѣю и къ вождямъ латинскаго войска съ увѣдомленіемъ о бѣгствѣ своего царственнаго брата. Правда, Латины не воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы произвести новое нападеніе на Константинополь, но, съ другой стороны, не прежде отпустили отъ себя сына Исаакова, какъ уже тогда, когда Исаакъ и самъ изъявилъ согласіе на выполненіе тѣхъ обѣщаній, кои далъ имъ сынъ его Алексѣй. А эти обѣщанія были таковы, что Латинамъ не оставалось желать ничего болѣе ни для своей славы, ни для своихъ выгодъ. Соглашаясь на все для занятія отцовскаго престола, Алексѣй, легкомысленный и неопытный юноша, не взвѣсилъ ни надлежащаго значенія нѣкоторыхъ предъявленныхъ ему требованій, ни той ненависти, которую Латины питали къ Грекамъ. Купивъ такимъ образомъ возможность свободно вступить въ Константинополь униженіемъ царскаго сана, Алексѣй, въ награду за свой подвигъ, сѣлъ въ качествѣ соправителя рядомъ съ отцомъ своимъ на царскомъ тронѣ. Все населеніе города пошло ко дворцу, чтобы посмотрѣть на отца и сына вмѣстѣ и обоимъ поклониться. То же сдѣлали и военачальники латинскіе. Имъ Исаакъ передалъ все, что нашель въ царской казнѣ; когда же не стало у него денегъ, пошелъ за ними въ Божіи храмы. Началось печальное зрѣлище. Мало того, что топорами отбивали и на полъ повергали святые иконы Христовы, а драгоценные оклады сдирались съ нихъ на переливку не съ бережью, а какъ попало; съ такою же точно безбоязненностію брали изъ церквей священные сосуды, переплавляли ихъ и отдавали непріятельскимъ войскамъ въ видѣ обыкновеннаго золота и серебра.

Не оповѣщаю (я Порфирій) дальнѣйшихъ неурядицъ, междоусобій, пожаровъ и грабежей въ Константинополь въ царствованіе слѣпаго Исаака и сына его Алексѣя, и перомъ Хоніата описываю только окончательное паденіе Византійскаго царства подъ ударами Латинянъ.

Константинопольцы, не видя никакой помощи себѣ отъ правительства тогда, когда извлеченъ былъ ими мечъ противъ Латинянъ, начали готовить возстаніе, порицать государей своихъ и обнаруживать мысли, кои уже давно въ нихъ таились. Наконецъ, 25 января 6712 = 1204 года въ Великой церкви состоялось чрезвычайно большое собраніе. Собравшіеся силою принудили явиться сюда сенаторовъ, архіереевъ и почетный клиръ для общаго разсужденія о избраніи новаго царя и, горячо занявшись пріисканіемъ желаннаго, безъ всякихъ соображеній выбирали въ цари то одного, то другаго изъ круга высшей знати, а, забравъ ее, начали выбирать вожаковъ черни. Схватятъ кого-либо за руку, поставятъ на средину, и съ обнаженными мечами въ рукахъ начнутъ убѣждать принять царскій вѣнецъ. Охъ, охъ, охъ! Что могло быть прискорбнѣе и тяжелѣе подобной пытки, или что можно представить себѣ смѣшнѣе и безтолковѣе дурачества тогдашняго сборища? „*Ризу имамъ: началовождь намъ буди*“ (Исаи 3, 6). Вотъ, какъ просто рѣшали тогда дѣло! Въ заключеніе всего черезъ три дни взяли одного молодого человѣка, Николая Канавоса, и противъ его воли помазали на царство. Когда дошло это до свѣдѣнія юнаго царя Алексѣя (Исаакъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи), тогда онъ пригласилъ къ себѣ маркиза Вонифатія, и оба они рѣшили, что нужно ввести во дворецъ латинское войско, дабы такимъ образомъ низложить новопоставленнаго царя. Какъ только ихъ намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ, Лука Мурзуфль воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ для совершенія замышленнаго имъ переворота, и кромѣ великаго числа своихъ родственниковъ склонилъ на свою сторону евнуха, управлявшаго царскимъ казнохранилищемъ. Въ глубокую ночь онъ вошелъ къ государю и съ тревожнымъ участіемъ сказалъ

ему, что его родственники, множество неизвѣстныхъ людей и впереди всѣхъ сѣкироносный отрядъ варваровъ рвутся въ дверь съ тѣмъ, чтобы убить его за дружескую связь съ Латинами. Пришедши въ ужасъ отъ такого извѣстія и почти не владѣя со- знаніемъ, юный Алексѣй умолялъ его дать совѣтъ, что ему дѣ- лать. Дука скоро окуталъ его широкою домашнею одеждою, схва- тилъ за руку и торопливо повелъ черезъ потаенную дверь въ секретную комнату внутри дворца. Алексѣй почти благодарилъ его за участіе; однако вскорѣ закованъ былъ по ногамъ въ же- лѣзныя цѣпи, и брошенъ въ самую ужасную тюрьму, а Дука воз- ложилъ на себя отличія царскаго сана. Послѣ сего одни изъ паредворцовъ принесли ему обычныя поздравленія, а другіе собра- лись къ находившемуся при Великой церкви Канавосу, человѣку добродушному, благонамѣренному и нелишенному военныхъ да- рованій. Но такъ какъ у Константинопольцовъ всегда получало перевѣсъ то, что худо, то Дука бралъ верхъ и усиливался, а Канавосъ постепенно ущербалъ, подобно лунѣ. Наконецъ, немного спустя, оруженосцы Дуки арестовали его. Что же касается до сверженнаго съ престола Исаакова сына Алексѣя, то Дука дважды подносилъ ему чашу съ отравою. Но такъ какъ юность крѣпко противилась дѣйствію яда — тѣмъ болѣе, что молодой царь прини- малъ противудія, то Мурзуфль пресѣкъ нить его жизни петлею послѣ шестимѣсячнаго и восьмидневнаго царствованія его.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ ДУКИ МУРЗУФЛА.

Окончательно утвердившись на престолѣ, Дука, хитрый, скрытный и самонадѣянный, нашелъ царскія сокровищницы пустыми, и потому началъ жать, гдѣ не сѣялъ, и собирать, гдѣ не рсточалъ. Онъ обложилъ тяжелыми взысканіями всѣ лица, въ санѣ кесарей и севастократоровъ занимавшія прежде высшія правительственныя должности, и вырученныя отсюда деньги об- ратилъ на государственные расходы. Прежде всего и нетерпѣли- вѣе всѣхъ онъ желалъ окончательно поразить Латинянь, считая

сіе дѣло легкимъ; посему увеличилъ бревенчатыми надстройками высоту прибрежныхъ стѣнъ города, огородилъ земляные ворота укрѣпленіями, и собственнымъ примѣромъ одушевилъ войско свое. Много разъ, опоясавшись мечемъ, съ мѣдною булавою въ рукахъ, онъ то отражалъ непріятельскія нападенія, то самъ храбро и не- ожидално нападалъ на непріятелей, когда врозсыпъ искали себѣ продовольствія. Но всѣ эти схватки были напрасны. Латины взяли Константинополь съ бою въ 1204 году. Тогда Дука Мур- зуфль, посадивъ съ собою въ лодку супругу царя Алексѣя, Евфро- синію, и дочь ея Евдокію, въ которую былъ влюбленъ (съ ран- нихъ лѣтъ, безстыдный развратникъ и сластолюбецъ, безъ всякой справедливости разведшійся съ двумя законными женами), оста- вилъ Константинополь, царствовалъ только два мѣсяца и шестнад- цать дней.

НВ. Сей Дука потомъ былъ ослѣпленъ и попалъ въ руки Латинянь. Они привезли его въ Константинополь и тамъ втащили на высокую Таврскую колонну, и оттуда столкнули внизъ. Нѣ- сколько мгновеній несчастный летѣлъ стоямя, потомъ перевернулся внизъ головою и разбился въ дребезги. А царица Евфросинія вмѣстѣ съ мужемъ ея Алексѣемъ III, братомъ Исаака Ангелоса, отослана была латинскимъ королемъ Балдуиномъ въ мѣстечко, называемое Алмирѣсъ; отсюда же солунскій державецъ Вонифатій отправилъ обоихъ ихъ къ королю нѣмецкому.

§ 60. Раздробленіе Греческаго царства.

У кого гніють внутренности, тотъ скоро умретъ. Умерла и Византійская держава, пораженная внутреннимъ гніеніемъ. Но подчиненныя ей племена очутились подъ властію державъ ино- странныхъ.

Самою главною причиною паденія Греческаго царства, — го- воритъ Хоніатъ, — были мятежники и искатели престола изъ рода Комниныхъ. Укрываясь у народовъ враждебныхъ Грекамъ, они становились смертельною язвою отечества своего, тогда какъ

живя среди насъ, были самыми бесполезными людьми, совершенно неспособными управлять государствомъ.

Примѣры греческихъ царей, низвергавшихъ другъ друга съ престола, породили въ смѣлыхъ подданныхъ ихъ непокорность и стремительную охоту къ независимости отъ нихъ, такъ что Греческое царство, съ послѣдняго 25-лѣтія XII вѣка, начало распдаться на отдѣльныя державы.

Въ 1186 году Петръ Асѣнь, потомокъ древнихъ влахоболгарскихъ державцовъ, освободилъ Болгарію и живущія въ ней племена отъ ига византійскихъ царей. Преемникъ его Іоаннъ Асѣнь присоединилъ Болгарскую церковь къ церкви Римской, и по благословенію тогдашняго папы Иннокентія III, въ мартѣ мѣсяцѣ 1204 года, помазанъ былъ на царство папскимъ кардиналомъ. Съ той поры Болгарія оставалась самостоятельною державою, пока не сокрушили ее Турки.

Современно съ Болгарами, Сербы сдѣлались независимыми отъ византійскихъ Грековъ, въ послѣдніе годы двѣнадцатаго вѣка, когда великимъ жупаномъ у нихъ сталъ Стефанъ Неманя, впослѣдствіи омонашившійся на Аѳонѣ.

Въ 1197 году, когда царствовалъ братъ Исаака Ангелоса, Алексѣй, одинъ генуэсець, по имени Кафуръ, снарядивъ нѣсколько морскихъ судовъ, снабженныхъ двумя и тремя рядами весель, и запасшись купеческими кораблями, началъ опустошать приморскіе города, и своими нападеніями привелъ въ бѣдственное состояніе острова на Эгейскомъ морѣ. Между прочими онъ напалъ даже на Адрамитій (малоазійскій городъ противъ острова Лесбоса), захватилъ тамъ разнородную добычу и награбилъ неисчислимое богатство. Когда византійское правительство, которому надлежало смотрѣть за нимъ, пробудилось отъ глубокаго сна, тогда противъ Кафура послало съ тридцатью кораблями Іоанна Стиріона, бывшаго нѣкогда морскимъ разбойникомъ. Но онъ былъ побѣжденъ генуэзцомъ. Этотъ опустошитель коварно напалъ на греческіе корабли, стоявшіе около Систа, въ полуденное время, когда всѣ матросы сошли на берегъ, и забралъ ихъ съ оружіемъ и со всѣми

сѣстными припасами. Послѣ сего онъ уже безъ всякаго опасенія нападалъ на острова и грабилъ приморскія области, взимая съ нихъ такія подати, какія угодны были ему. Однако царъ Алексѣй снарядилъ другіе корабли и поручилъ ихъ тому же Стиріону, который, при содѣйстви флота Пизанъ, неожиданно для Кафура сразился съ нимъ, взялъ его въ плѣнъ, лишилъ жизни и овладѣлъ всѣми кораблями его. Но отъ того не легче было островамъ и приморскимъ областямъ, кои ограблены были Кафуромъ (Хоніатъ. Т. II, стран. 181 и слѣд.).

Въ концѣ одиннадцатаго вѣка турецкіе султаны изъ рода Сельджуковъ завоевали наилучшую часть Малой Азіи. Къ нимъ переходили весьма многія семейства греческія изъ малоазійскихъ городовъ, избѣгая смуть и кровопролитныхъ междоусобій византійскихъ Грековъ, и жили спокойно подъ защитою этихъ султановъ.

Въ 1191 году извѣстный Ричардъ, — *Львиное сердце*, завоевалъ островъ Кипръ у мѣстнаго топарха Исаака Комнина, неповиновавшагося приказаніямъ своихъ царей, и подарилъ сей островъ Гюи Лузиньяну. — Въ древней Греціи, области Акарнанія и Этолія почти всецѣло отняты были у византійскихъ государей, и къмъ же? Тѣми сановниками, которые царскимъ именемъ управляли этими областями, именно Сеннахиримами, Мелиссинами и Комниными. Пелопонесъ былъ раздираемъ мѣстными честолюбцами. Въ самой полуденной части сего полуострова, Мессинія, сановники Мелиссины, владѣвшіе тутъ обширными имѣніями, приучали эту область повиноваться только ихъ власти. Въ Евротской долинѣ и во всей Лаконіи господствовалъ честолюбивый Левъ Камаріопиль, а въ Арголидѣ, Навплии, Аргосѣ, Коринѣ распоряжался, какъ хотѣлъ, нѣкій Левъ Сгуръ, женившійся на Евдокии, дочери низверженнаго царя Алексѣя III [Хоніатъ].

Когда Латины съ бою взяли Константинополь (1204 г.) и провозгласили императоромъ фландрскаго графа Балдуина, тогда раздѣлили между собою Греческую державу такъ, что сему императору дали четвертую часть ея, а изъ трехъ прочихъ частей

одну половину отделили Венецианамъ, другую же военачальникамъ французскимъ и ломбардскимъ. Графъ Монферратскій Воунифатій получилъ въ удѣлъ Македонію съ столичнымъ городомъ сей области, Тессалоникою, и островъ Критъ, который однако вскорѣ проданъ былъ имъ Венецианамъ за сто тысячъ *марокъ*; потомъ онъ въ Греціи завоевалъ города Фивы, Аѳины, Коринтъ и Навплию.

Тогда же Михаилъ, незаконорожденный членъ семейства Комниныхъ Ангелосовъ, присвоилъ себѣ высокій санъ деспота, и изъ областей Епира, Этоліи и Тессалии, населенныхъ воинственными племенами, составилъ себѣ особое княжество могущественное.

Тогда же греческій военачальникъ Теодоръ Ласкарисъ, женатый на дочери царя Алексѣя IV, удалился съ небольшимъ, но храбрымъ, ополченіемъ въ Малую Азію, и здѣсь въ Никеѣ основалъ новое царство Греческое. Ближніе города: Брусса, Филадельфія, Смирна и Ефесъ отворили ему ворота свои, какъ освободителю ихъ отъ ига Латинъ, разрознившихся и потому слабосильныхъ. Его побѣды надъ ними увеличили его силы такъ, что онъ сталъ повелителемъ областей, начиная отъ береговъ рѣки Меандра и простираясь до предмѣстій Никомидіи и самаго Константинополя.

Современно съ нимъ Алексѣй, сынъ доблестнаго Мануила и внукъ свирѣпаго Андроника, независимо и мирно княжилъ въ Черноморскихъ областяхъ, отъ Синопа до рѣки Фазиса, а внукъ его Алексѣй же провозгласилъ себя тамъ царемъ.

О всѣхъ поименованныхъ державцахъ и преемникахъ ихъ мы упомянемъ въ дальнѣйшей исторіи Аѳона; а теперь спѣшимъ сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ о состояніи сей горы въ вѣка одиннадцатый и двѣнадцатый.

§ 61. Аѳонскіе Проты и инвеститура ихъ.

Въ теченіи показанныхъ вѣковъ управленіе аѳонскими монастырями (кромѣ Иверскаго, Амальфійскаго и Хиландарскаго,

зависѣвшихъ непосредственно отъ византійскихъ царей) сосредоточивалось по прежнему въ Протатѣ. Тогда извѣстнѣйшіе Проты были:

— Теофилактъ, подписавшій святогорскій уставъ, составленный въ 1046 году и утвержденный царемъ Константиномъ Мономахомъ;

— Павелъ монахъ, по приказанію царя Алексѣя Комнина, передавшій обитель Тессалоникійцевъ русскимъ монахамъ въ 10⁸⁹/₉₀ году, и Ксенофскій монастырь тогда же — монаху Симеону, изъ котораго высладала его братія, какъ евнуха, не смотря на то, что онъ отлично хорошо устроилъ сей монастырь;

— Неофитъ монахъ, обновившій обитель Дохиарскую и написавшій извѣстное духовное завѣщаніе въ 1092 году;

— Иоанникій монахъ, посылавшій святогорскіе уставы царю Алексѣю Комнину въ 1097 году по случаю соблазновъ на Св. горѣ отъ семей валахскихъ;

— Иларіонъ монахъ, родственникъ сего царя, получившій отъ него санъ Прота во время помянутыхъ соблазновъ;

— Иоанникій Валма, смутившій всѣхъ Аѳонитовъ оповѣщеніемъ проклятія, будто бы наложеннаго на нихъ патриархомъ Николаемъ, за валахскіе соблазны, и присутствовавшій при кончинѣ сего патриарха въ 1110 году;

— Иоаннъ, передавшій въ 1169 году Аѳонопантелеимоновскую обитель Тессалоникійцевъ монахамъ изъ Сербіи.

Всѣ эти и прочіе Проты управляли монастырями по прежнимъ уставамъ не единолично, а вмѣстѣ съ избранными игуменами монастырскими; *инвеститура же*, то есть мантию и посохъ, получали въ Константинополѣ отъ своихъ государей.

§ 62. Появленіе греческихъ монаховъ на Аѳонъ изъ Калабріи. Существованіе Амальфійской обители въ самомъ концѣ 12-го вѣка.

Опустошеніе монастырей Ксенофскаго и Каракальскаго.

Въ царствованіе Алексѣя Комнина, съ 1097 года по 1118-й, святогорскіе монастыри, большіе и малые, почти опу-

стѣли по причинѣ соблазновъ отъ поселенныхъ тамъ валахскихъ семействъ и *выдуманнаго* проклятiя ихъ за это вселенскимъ патриархомъ Николаемъ. Тогда оказалось внутреннее нестроение и въ обители св. Василя Великаго, которая и нынѣ, запусѣлая, существуетъ на взморьѣ, у пристани Хиландарскаго монастыря, супротивъ Самарійскаго холма *). Но такъ какъ сiя обитель, въ то время, имѣла въ Константинополѣ знатнаго попечителя, именно Василя Калимериса, близкаго къ царю Алексѣю Комнину, то сей Калимерисъ и упросилъ прибывшаго за милостынею въ эту столицу изъ Калабрии греческаго монаха Вареоломея ввести порядокъ и духовное житiе въ обитель, о которой идетъ рѣчь. Вареоломей усердно и съ умѣниемъ исполнилъ это дѣло, и возвратился въ свой Калабрійскiй монастырь, оставивъ послѣ себя игумена инока духовной жизни и искуснаго руководителя монашествующихъ. Съ той поры Аеоновасильевскiй монастырекъ прозывается былъ Калабрійскимъ (Смотри въ Оправданiяхъ сей исторiи № 1-й).

Въ 1177 году вселенскiй патриархъ Харитонъ отмѣнилъ епитимию предмѣстника своего Нiколая, которая поражала виновныхъ и невиновныхъ Аеоновъ за скоромное валахское дѣло. А эта благоразумная и челоуѣколюбивая мѣра, какъ увидимъ ниже, опять густо населила разрѣженный Аеонъ, такъ что въ началѣ тринадцатаго вѣка тамъ находились уже триста обителей большихъ и малыхъ (Смотри мою Истор. Аеоновъ, ч. III, отдѣл. I, стран. 254—257).

Въ числѣ этихъ обителей состоялъ и Амальфiйскiй монастырь, основанный еще при жизни св. Аеоноса Аеоновскаго **). Въ 1046 году ему дозволено было уставомъ Константина Мономаха „держать мачтовое судно и перевозить на немъ монастырскiя произведенiя въ Константинополь, а оттуда получать подаянiя Христолюбцовъ“. Цари Алексѣй и сынъ его Иоаннъ Ком-

*) Смотри мѣстность этой обители на моей большой картѣ Аеоновъ, № I.

**) Истор. Аеоновъ, ч. III, отдѣл. I, стр. 114.

нинъ (1084—1143 гг.) пожаловали ему села Доксомпусъ и Аидерокастро у рѣки Стримона *). Въ 1169 году авва пресвитеръ кинови св. Марiи Амальфiйцовъ, Оома, собственноручно подписалъ по-латинѣ протатское *дѣло* о передачѣ Россамъ монастыря св. великомученика Пантелеимона. Въ 1198 и слѣдующемъ году, по примѣру сей кинови, дана была независимость отъ Протата монастырю Хиландарскому, обновленному великимъ жупаномъ Сербiи Стефаномъ Неманемъ (Смотри выше, § 58).

Въ 1183 году, когда царь Андроникъ съ сожалѣниемъ говорилъ своему сенату о бѣшеванiи Италiанцовъ въ западныхъ областяхъ его царства и о приближенiи ихъ къ Константинополю изъ ближней къ Аеоноу Стримонской области или, вѣроятнѣе, въ 1197 году, когда генуэсецъ Кафуръ, какъ сильный *пиратъ*, имѣвшiй нѣсколько мореходныхъ судовъ, раззорялъ селенiя на островахъ Эгейскаго моря **), гдѣ и Аеонъ. Италiанцы или, вѣрнѣе, Кафуровы пираты вторглись въ святогорскiе монастыри Ксенофонтоскiй и Каракальскiй, и раззорили ихъ, наипаче второй такъ, что онъ запусѣлъ и едва не уничтожился. Свѣдѣнiе объ этомъ печальномъ событiи добыто мною изъ двухъ дѣписанiй монастырей Зографскаго и Ксенофонтоскаго. Въ первомъ дѣписанiи (это—приказъ царя Андроника старшаго) сказано, что „Каракаль, по причинѣ тиранства Италiанцовъ ***), пришелъ въ совершенное запусѣнiе и едва не уничтожился, и что тогда пропали все движимыя и недвижимыя вещи его, утратились и юридическiе акты“. Во второмъ, подъ названiемъ *Παραδοτήριον γραμμά* = *Передаточная или вводная записка*, 1300 года, индикта 13-го, выражено, что „монастырь, чествуемый во имя св. великомученика Георгiя, *назадъ тому уже много лѣтъ*, будучи взятъ *италiанскими пиратами*, потерпѣлъ много золъ и лишился древнихъ

*) Περιγραφή του ἁγ. ὄρους, ὑπὸ Θεοδορήτου: «Ἡ μονὴ τῶν Ἀμαλφηνῶν ἤκμαζε καὶ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀλεξίου καὶ Ἰωάννου τῶν Κομνηνῶν, ὡς ἐν τῷ παρὰ βασιλέων τούτων γενομένῳ χρυσοβούλλῳ εἰς τὴν μονὴν ταύτην φαίνεται, ἐν ᾧ οἱ βασιλεῖς ἐπικυροῦσι τῇ μονῇ τὴν δεσποτείαν τοῦ περὶ τὴν λίμνην Στρυμόνος χωρίου Δοξόμπους καὶ τοῦ Ἀϊδεροκάστρου.

**) Смотри выше, стран. 66—67.

***) Ἐκ τῶν ἀνομαλιῶν τε καὶ συγχύσεων ἐκ τῆς τῶν Ἰταλῶν τυραννίδος...

документовъ на право владѣнія имѣніями своими“. Тутъ выраженіе — *ναзадъ тому уже много лѣтъ*, — *πρὸ χρόνων ἤδη πολλῶν*, — нудитъ меня рассчитывать, что со дня раззоренія Ксенофа италянскими пиратами до 1300 года прошло лѣтъ сто: иначе, вмѣсто прилагательнаго *πολλῶν* было бы написано *ἑκανῶν*. Такое мое расчисленіе сего времени подтверждается и началомъ *Вводной записи*:

Εἰ δὲ καὶ χρόνου πλῆθος τῶν ἔτι καὶ χρόνου πλῆθος τῶν *Хотя продолжительнѣйшее вре-*
ὑπ' αὐτοῦ γεγονότων τὴν φυσικὴν *мя и отнимаетъ естественную крѣ-*
ἰσχὺν ἀποβάλλει καὶ εἰς τὸ μη- *пость у всего, что существовало,*
δὲν ἀποκαθιστᾷ· ἀλλ' ὅγε θεοστε- *и обращаетъ это въ ничто; но*
φῆς ἡμῶν βασιλεὺς... νενεκρωμένα *Богомъ вѣнчанный царь нашъ*
ταῦτα ζωογονεῖ.. *все это умершее оживотворяетъ..*

Составитель этой записи зналъ, что очень давно случилось раззореніе Ксенофской обители, и эту давность выразилъ въ своемъ дѣписаніи. А я даю ей 103 года.

Раззореніе Каракалла и Ксенофа италянскими пиратами было послѣднее крупное событіе на Аѳонѣ въ самомъ концѣ двѣнадцатаго вѣка. А тринадцатымъ столѣтіемъ начался новый періодъ въ жизни аѳонскаго монашества.

V.

Пятый кругъ времени Аѳонскаго монашества

(съ 1204 года по 1313-й).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Страданія Аѳонитовъ отъ Латинъ и защита имъ отъ Римскаго папы. — Кіевопечерскій архимандритъ Досиѳей на Аѳонѣ. — Тогдашнее келейное правило святогорцовъ. — Аѳонъ подъ властію царей болгарскихъ.

§ 63. *Страданія Аѳонитовъ отъ Латинъ и защита имъ отъ Римскаго папы.*

Мы уже знаемъ, что въ 1204 году на мѣстѣ Греческаго царства появились державы латинскія. Тогда въ старомъ Римѣ священствовалъ папа Иннокентій III, покровитель Аѳона (скончавшійся 20 іюля 1216 года), а въ Новомъ Римѣ, т. е. въ Константинополѣ императоромъ былъ Балдуинъ, въ Солунѣ же господствовалъ надъ всею Македоніею Монферратскій маркизь Вонифатій, женатый на Маріи Венгерской, бывшей супругѣ Исаака Ангелоса; что же касается Аѳона, то здѣсь водворился нѣкій франкъ, мучитель злополучныхъ святогорцовъ.

Годы 1204—1211. — Вышепомянутый папа, обрадованный распространеніемъ своей церковной власти на греческомъ Востоку, держалъ въ Константинополѣ своего легата, т. е. посла, именно